

ДАРВИНИЗМ КАК НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ КАНТА

И.К. Калинин¹

Я исхожу из предположения, что причиной трудностей в изложении своего замысла Кантом и, соответственно, подспудной причиной критического отношения к этому замыслу со стороны многих философов Новейшего времени являлось отсутствие в его распоряжении необходимого теоретического звена, с введением которого вся его система получала бы более надежное научное обоснование. Таким звеном мне видится дарвинизм, дающий подкрепление ключевому, но в то же время не обоснованному тезису «Критики чистого разума» – тезису о существовании синтетических суждений априори. Синтез дарвинизма с критической философией требует, однако, существенной перестройки последней, так как некоторые ее ключевые моменты в новом свете оказываются слабыми и требуют пересмотра или даже переворотов. Первый переворот, исследованный в статье, переопределяет источник происхождения категорий, который теперь обнаруживается не «сверху», где его искал Кант, то есть не в логических функциях, согласно метафизической дедукции, и не в самосознании, как это декларируется трансцендентальной дедукцией, а «снизу», в инстинктах, если рассматривать вещи в эволюционном измерении. Второй переворот переносит свободу воли, находящуюся у Канта в одной онтологической корзине с вещами самими по себе, «вверх», на другой этаж пирамиды онтологий, благодаря замене дуализма на плюрализм, поскольку дуализм слишком узок, чтобы вместить в себе все автономные компоненты критической философии. Таким образом, дух и свобода находят себе новое место, отдельное от сферы физической природы; категория приспособления объясняет, как возможно сосуществование разных онтологий; проблема двух интерпретаций трансцендентального идеализма (двухмирная vs. двухаспектная) находит свое решение в их примирении.

Ключевые слова: Кант, Конрад Лоренц, Николай Гартман, трансцендентальная философия, эволюционная эпистемология, категории, синтетическое суждение априори, приспособление.

¹ Россия, Ижевск.
Поступила в редакцию: 17.04.2019 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2019-4-3
© Калинин И.К., 2019.

DARWINISM AS THE MISSING LINK IN KANT'S CRITICAL PHILOSOPHY

I.K. Kalinin¹

I proceed from the hypothesis that the difficulties in Kant's presentation of his plan and, accordingly, the implicit reason for the critical attitude to this plan on the part of many contemporary philosophers stem from the fact that he had no theoretical link at his disposal which would offer a more solid scientific grounding for his entire system. I believe that Darwinism is such a link which bolsters the central but ungrounded thesis of the Critique of Pure Reason on the existence of a priori synthetic judgments. The synthesis of Darwinism and critical philosophy dictates, however, a substantial restructuring of the latter since some of its key elements prove to be weak in the light of modern studies and need to be revised or even reversed. The first reversal explored in this article determines the origin of the categories which are now revealed not "from the top down" where Kant sought them, i.e. not in logical functions in accordance with metaphysical deduction and not in self-consciousness as transcendental deduction claims, but "from the bottom up" if one considers things in the evolutionary dimension, i.e. in the instincts. The second reversal shifts the freedom of will which Kant placed in the same ontological basket with things in themselves at "the top," to another level of the pyramid of ontologies, by changing dualism to pluralism because dualism is too narrow to accommodate all the autonomous components of critical philosophy. Thus spirit and freedom find a new place separate from the sphere of physical nature; the category of adaptation explains how different ontologies can coexist; while the problem of two interpretations of transcendental idealism (two-world vs. two-aspect interpretation) finds a solution through their reconciliation.

Keywords: Kant, Konrad Lorenz, Nicolai Hartmann, transcendental philosophy, evolutionary epistemology, categories, synthetic judgment a priori, adaptation.

¹ Izhevsk, Russia.
Received: 17.04.2019.
doi: 10.5922/0207-6918-2019-4-3
© Kalinin I.K., 2019.

Введение

Одним из фундаментальных различий, разделяющих западную философию на два лагеря — континентальную и аналитическую, — служит их отношение к науке: в то время как первая дистанцируется от нее, находя свой интерес в исследовании смыслов, а не причин событий, вторая, наоборот, старается стереть с ней всякие границы. Критическая философия Канта в рамках этой оппозиции, особенно учитывая официальный разрыв родоначальников аналитической традиции с ним, не находит себе строго определенного места: хотя феноменологические и этические темы и контексты требуют включения ее в один лагерь с экзистенциализмом и феноменологией, но по критерию уничтожения границ между философией, наукой и логикой ее принципы совпадают с позитивистскими убеждениями Г. Фреге, Б. Рассела или Р. Карнапа. Поэтому можно предположить, что Кант был бы готов принять и ассимилировать идеи Дарвина, окажись они в его распоряжении. Но дарвинизм значит для философии Канта гораздо больше, чем просто новый пункт связи с наукой. Дело в том, что идеи Канта можно рассматривать в роли «моста» между двумя обозначенными лагерями, если характеризовать аналитическую традицию как увлекающуюся причинами в ущерб смыслам. Стараясь найти способ совмещения ньютоновского физическо-го детерминизма, от которого нельзя было просто так отмахнуться, со свободой воли — «ограничить разум, чтобы освободить место вере» (В XXX; Кант, 2006, с. 33), он, кажется, опередил свое время. Как идеи Дарвина могли бы помочь ему на этом трудном пути объединения научного знания с ценностями, я попытаюсь выяснить в данной статье.

На что я могу опираться в своем исследовании? Синтез эпистемологии с эволюционной теорией стал фундаментом для развития эволюционной эпистемологии, известной читателю прежде всего по работам К. Поппера (Поппер, 1983). Следует уточнить, однако, что данная дисциплина подразделяется внутри себя на две ветви, и Поппер развивал одну из них — эволюционную эпистемологию теорий, занимающуюся вопросом роста прежде всего эмпирических знаний. Вопросом же развития когнитивного аппарата, или, в терминах Канта, априорного знания, занимается другая ветвь — эволюционная эпистемология механизмов (Gontier, 2019; Bradie, Harms, 2016). Именно в отношении последней Кант может считаться предтечей, хотя его

Introduction

One of the fundamental differences that divides Western philosophy into two camps — the continental and the analytical — is their attitude to science: while the former distances itself from science focusing attention on the study of meanings rather than the causes of events, the latter, on the contrary, seeks to erase all boundaries between the two. Within the framework of that juxtaposition, Kant's critical philosophy, especially since the fathers of the analytical tradition have officially broken with Kant, does not find a strictly determined place. Phenomenological and ethical themes and contexts require that it be included in the same camp with existentialism and phenomenology, but in terms of destroying the boundaries between philosophy, science and logic its principles coincide with the positivist convictions of Gottlob Frege, Bertrand Russell or Rudolf Carnap. It is possible therefore that Kant would have been prepared to accept and assimilate Darwin's ideas if he had had them at his disposal. However, Darwinism means much more for Kant's philosophy than simply another link with science. Kant's ideas can be seen as a "bridge" between the two above-mentioned camps if the analytical tradition is characterised as a tradition that is attracted by causes at the expense of meanings. Seeking to combine Newton's physical determinism, which could not just be brushed aside, with freedom of will — "to deny *knowledge* in order to make room for *faith*" (B XXX; Kant, 1998, p. 117), he seems to have been ahead of his time. In this article I will try to explain how Darwin's ideas could have helped him on this difficult path of marrying scientific knowledge to values.

What starting-point can I give to my investigation? The synthesis of epistemology and the evolutionary theory provided the foundation for the development of evolutionary epistemology, known to the reader above all from the works of Karl Popper (1994). It has to be stressed, however, that this discipline is subdivided into two branches of which Popper developed one, the evolutionary epistemology of theories, dealing with the issue of growth above all of empirical knowledge. The issue of the development of the cognitive apparatus or, in Kant's terminology, *a priori* knowledge, is the province of the other branch, the evolutionary epistemology of mechanisms (Gontier, 2019; Bradie

учение было еще лишено эволюционной составляющей. Интерпретация учения Канта в свете дарвинизма до сих пор не привлекала большого философского интереса и имела место в основном внутри этой второй ветви эволюционной эпистемологии. Я буду отталкиваться от революционных в этом направлении работ К. Лоренца, учитывая позиции Г. Фоллмера² и К. Смита. Однако внимание этих авторов, за исключением Лоренца, было ограничено важной, но узкой зоной проблематики происхождения категорий. Их общий результат сравнения двух учений выражается в убеждении, согласно которому дарвинизм «преодолеывает» (Smith, 1991, p. 35, 47) кантовскую теорию априорного знания. По моему же мнению, дарвинизм модифицирует философию Канта, помогая воплотить в рамках более безукоризненной с научной точки зрения системы подспудную идею «моста» между причинами и смыслами, остроактуальную для любого вида онтологического дуализма.

Можно выделить два разных, хотя и взаимосвязанных типа дуализма у Канта: модальный и онтологический. Первый из них артикулируется в оппозиции модальному монизму аналитической традиции, основанному на убеждении, что существуют только логические или сводимые к ним посредством содержательного анализа понятия аналитические необходимые истины. Соответственно, модальный дуализм предполагает, что существуют также синтетические положения, которые могут быть необходимыми и, следовательно, априорными истинами (Hanna, 2008, p. 164)³. Канту не удалось доказать модальный дуализм с той степенью убедительности, которая оказалась бы достаточной для его одобрения большинством философов. Мнение, что «Кант в действительности не имеет ясной и общей концепции синтетического априори вообще» (Strawson, 1966, p. 43) распространено настолько, что даже в рамках темы «Кант и Дарвин» раздаются еще более жесткие, чем у П. Стросона, оценки: «...мы можем легко видеть сегодня, что идея “синтетического априори”, как подозревалось с самого начала, есть просто путаница в голове» (Smith, 1991, p. 40).

Что касается второго рода дуализма — онтологического, дуализма представлений и вещей самих

and Harms, 2016). It is with regard to the latter that Kant can be seen as a forerunner although his doctrine still lacked the evolutionary component. Up to the present the interpretation of Kant's teaching in the light of Darwinism has attracted scant philosophical interest and has occurred mainly within this second branch of evolutionary epistemology. I will proceed from the revolutionary works of Konrad Lorenz taking due account of the positions of Gerhard Vollmer² and Christopher Smith. However, these authors, with the exception of Lorenz, concentrated on an important but narrow body of problems: the origin of categories. The shared result of their comparison of the two teachings is summed up in the conviction that Darwinism “overtook” (Smith, 1991, p. 35, 47) the Kantian theory of a *priori* knowledge. In my opinion, however, Darwinism modifies Kant's philosophy by helping to convey within the framework of a more rigorous scientific system the underlying idea of a “bridge” between causes and meanings, which is vital for any kind of ontological dualism.

One can identify two different, albeit interconnected, types of dualism in Kant: the modal and the ontological. The former is articulated through opposition to modal monism of the analytical tradition, based on the conviction that there exist only logical truths or the necessary analytical truths reducible to them through semantic analysis of concepts. Accordingly, modal dualism presupposes that there also exist synthetic propositions which may be necessary and therefore *a priori* truths (Hanna, 2008, p. 164).³ Kant failed to prove modal dualism convincingly enough to be approved by the majority of philosophers. The opinion that “Kant really has no clear and general conception of the synthetic *a priori* at all” (Strawson, 1966, p. 43) is so widespread that even harsher assessments than Strawson's can be encountered in the framework of the topic “Kant and Darwin: “[...] we may easily see nowadays that the idea of the ‘synthetic *a priori*’ is, as was suspected from the first, merely a muddle” (Smith, 1991, p. 40).

As for the second kind of dualism i.e. ontological or the dualism of representations and things

² Его основные идеи и библиография работ представлены в книге Ральфа Хартмана: (Hartmann, 2017).

³ «Модальным» такой дуализм назван, очевидно, потому, что необходимость является категорией модальной логики. Более корректным, но менее благозвучным названием был бы «дуализм необходимостей».

² His main ideas and bibliography of his works are contained in the book by Ralph Hartmann (2017).

³ Such dualism has been probably called “modal” because necessity is a category of modal logic. A more correct but less sonorous name would be, in my opinion, “dualism of necessities”.

по себе, то следуемый из нее радикальный агностицизм оказывается основной причиной предрасположения большинства философов против трансцендентальной философии в целом. Но каковы альтернативы? Классический фундаментализм, которому этот дуализм противостоит, опирается на одну форму зависимости, делающую возможным единство любой теоретической системы, — логическую, в соответствии с которой все знание должно выводиться из некоего «фундамента» дедуктивным путем. У Канта еще не было под рукой другой достаточно отчеканенной формы зависимости онтологически разных сущностей друг от друга, которую можно было бы противопоставить фундаментализму, — той формы, на которой будет основана впоследствии теория естественного отбора и затем эволюционная эпистемология и которую Дарвин назвал приспособлением. Именно с помощью этой формы связи, оцененной на философском уровне, могут быть, на мой взгляд, успешно обоснованы как онтологический, так и модальный дуализм.

Можно сказать, что хотя Кант декларировал свою «одну-единственную задачу» в форме вопроса: «как возможны синтетические суждения *a priori*?» (В 19; Кант, 2006, с. 72–73) и построил на допущении таких суждений всю свою трансцендентальную философию, он не смог убедительно ответить на поставленный вопрос, тем самым оставив свою систему без прочного фундамента. Поэтому, если философски осмысленный дарвинизм сможет дать искомый ответ, мы вправе считать его недостающим звеном трансцендентальной философии. А если он к тому же ответит на вопрос о природе единства разных сторон разных дуализмов во всех трех «Критиках» Канта, мы вправе считать его недостающим звеном всей критической философии. Соответственно этим двум задачам — обоснованию как модального, так и онтологического дуализма (в данном случае не конкретного, а абстрактного) — моя статья будет состоять из двух частей. В первой (четыре первых параграфа) я покажу, как революция, произведенная Дарвином, переворачивает порядок происхождения категорий, опровергая тем самым метафизическую дедукцию и структурный порядок трансцендентальной дедукции категорий Канта. Этот вывод не нов в теме сравнения Канта с Дарвином. Но до сих пор не обращалось должного внимания на то, что эта же революция обосновывает модальный дуализм, предоставляя особую, дарвинистскую интерпретацию идее априорного синтеза.

in themselves — the radical agnosticism that flows from this is the main cause of the prejudice of the majority of philosophers against transcendental philosophy in general. But what are the alternatives? Classical fundamentalism, which this dualism opposes, relies on one form of dependence that makes the unity of any theoretical system possible — the logical one in accordance with which all knowledge must be deduced from a certain “foundation”. Kant did not yet have to hand a sufficiently clear-cut form of interdependence between ontologically different entities that could be opposed to fundamentalism, the form which would later provide the basis for the theory of natural selection and then evolutionary epistemology which Darwin called adaptation. It is with the help of this form of connection, assessed at the philosophical level, that in my opinion both the ontological and the modal dualism can be grounded.

One may argue that although Kant enunciated his “single problem” in the form of the question “How are synthetic judgments *a priori* possible?” (В 19; Kant, 1998, p. 146) and used such judgments to scaffold his transcendental philosophy, he could not convincingly answer this question, thus leaving his system without a solid foundation. Therefore if philosophically significant Darwinism can provide the required answer, we have reason to consider it to be the missing link of transcendental philosophy. And if it also answers the question of the nature of the unity of different aspects of different dualisms in all three of Kant’s *Critiques*, we have reason to consider it to be the missing link of his entire critical philosophy. In accordance with these two tasks — justification both of the modal and ontological dualism (abstract and not concrete in this case) — my article will consist of two parts. In the first part (the first four sections) I will show how the revolution carried out by Darwin overturns the order of the origin of categories, thus refuting Kant’s metaphysical deduction and structural order of transcendental deduction of categories. This conclusion is not new in the task of comparing Kant and Darwin. However, up until now not enough attention has been paid to the fact that the same revolution justifies modal dualism, presenting a special (Darwinist) interpretation of the idea of synthesis *a priori*.

Вторую часть статьи (два последних параграфа) я посвящаю вопросу о том, каким образом определенное философское расширение дарвинизма может служить обоснованием не только модального, но и онтологического дуализма Канта. Таким расширением можно считать модификацию Лоренцем в эволюционном духе философской системы Николая Гартмана, родственной системе Канта в силу своего отрицания монизма. Система Гартмана – Лоренца помогает, во-первых, уточнить онтологическую сферу действия априорного синтеза, поставив более широкие, чем у Канта, границы его применимости, во-вторых, эксплицировать философское значение понятия приспособления и, в-третьих, решить острую в среде комментаторов Канта проблему интерпретации (два мира vs. два аспекта) его трансцендентального идеализма.

По стопам Лоренца: происхождение категорий

Кантовский дуализм представлений и вещей самих по себе, особенно если его понимали в парадигме двух миров, вместе с его необходимым следствием – утверждением о непознаваемости последних – вызывал у последующих поколений философов устойчивое неприятие. Начиная с Фихте вся немецкая идеалистическая философия, перенимая у Канта и нагружая собственным смыслом его диалектику, выкидывала за борт концепт вещей самих по себе как противоречивый и излишний элемент. С.Н. Булгаков, открытый и энергичный адвокат Шеллинга, критикуя Канта за то, что «между субъектом и объектом воздвиглась, казалось, невидимая, но непроницаемая стеклянная стена», выражал решимость «разбить эту стеклянную стену и лишь таким путем прорваться к объективной действительности» (Булгаков, 1990, с. 51). Говоря образно, после Канта все крупные философы разбивали построенную им стену и вместе с ней – его дуализм, следуя тому самому стремлению разрушающего все границы спекулятивного разума к созданию завершенной метафизической системы, которое и было предметом кантовской критики. В этой теме развитие мировой философии вернулось на докантовский уровень. Но необходимо учитывать при этом и причину такого негативного для Канта исхода, заключенную, не в последнюю очередь, в принципиальном агностицизме трансцендентального идеализма.

Эту проблему элегантно решил, оставаясь на дуалистических позициях, выдающийся био-

The second part of the article (the two last sections) are devoted to answering the question, how can some philosophical extension of Darwinism provide justification not only for Kant's modal but also ontological dualism. Such an extension is arguably provided by Lorenz in the evolutionary spirit of Nicolai Hartmann's philosophical system which is akin to Kant's system in that it rejects monism. The Hartmann-Lorenz system helps, first, to formulate more precisely the ontological sphere to which synthesis *a priori* is applicable by marking broader boundaries of its application than Kant's, secondly, to explicate the philosophical meaning of the concept of adaptation and thirdly, to solve the problem of interpretation (two-worlds vs. two-aspects) of his transcendental idealism which exercises commentators of Kant.

In the Wake of Lorenz: the Origin of Categories

Kant's dualism of representations and things in themselves, especially as understood in the two-worlds paradigm, together with its necessary consequence – the assertion that the latter are unknowable – was flatly rejected by the following generations of philosophers. Beginning with Fichte the entire German idealistic philosophy, borrowing from Kant and investing his dialectics with its own meaning, jettisoned the concept of things in themselves as contradictory and redundant. Sergey N. Bulgakov (1990, p. 51), an avowed and energetic advocate of Schelling, criticising Kant for “erecting what would seem to be an invisible yet impenetrable glass wall between subject and object,” expressed his determination “to smash this glass wall as this is the only way to reach objective reality.” Figuratively speaking, after Kant all the major philosophers “smashed” the wall he had built and in the process smashed his dualism in line with the desire of speculative reason that destroys all borders to create a complete metaphysical system, which was the target of Kant's critique. Within this area the development of world philosophy reverted to the pre-Kantian level. But one has to take into account the cause of such a negative outcome for Kant which is, not least, the fundamental agnosticism of transcendental idealism.

This problem was elegantly solved without abandoning the dualist position by the outstanding

лог-эволюционист Конрад Лоренц в своем наброске дарвинистской интерпретации кантовской теории познания, опубликованном в 1941 г. (Лоренц, 2000), еще до основных работ, принесших ему известность. Позднее в своей книге «Оборотная сторона зеркала» (1973 г.) он более подробно анализирует структуру и эволюцию когнитивного аппарата человека, отмежевываясь, однако, уже от трансцендентального идеализма Канта (Лоренц, 1998, с. 249–252) и противопоставляя ему гипотетический реализм — концепцию, сформулированную эволюционным эпистемологом Д. Кэмпбеллом. Гипотетический реализм последнего близок «критическому реализму» К. Поппера и представляет собой концепцию реальности как постоянно верифицируемой гипотезы (Campbell, 1959, p. 156) в том смысле, что мы не имеем и не можем иметь таких надежных оснований знания, которые удовлетворили бы фундаменталистов. Лоренц в гипотетическом реализме усматривает, кроме всего прочего, то, что «категории и формы созерцания человеческого познавательного аппарата представляются чем-то очевидным образом возникшим в ходе эволюции и “подходящим” к условиям внесубъективного мира — аналогичным образом и по аналогичным причинам, как лошадиное копыто “подходит” к поверхности степи или плавник рыбы к воде» (Лоренц, 1998, с. 276–277) — тезис, впервые отчетливо артикулированный им еще в 1941 г.

Хотя трактовки гипотетического реализма несколько расходятся у двух упомянутых авторов, эта концепция тем не менее в своем общем ядре отличается от трансцендентального идеализма двумя основными чертами. Во-первых, как справедливо указывает Лоренц, априорным аппарат познания может быть только в отношении индивидов, то есть в онтогенетическом аспекте. В отношении же человека как вида, то есть в филогенетическом аспекте, с учетом всех его прежних эволюционных ступеней развития, он — исторически возникший механизм (Лоренц, 1998, с. 251–252). И, во-вторых, как следствие первого, эволюционные эпистемологи отклоняют кантовское убеждение, что мы не можем *ничего* сказать о форме вещей самих по себе, поскольку если бы мы представляли их в совершенно ложном свете, то уже наши далекие предки на любом участке всей эволюционной цепи не смогли бы выжить (Лоренц, 1998, с. 254). Поэтому, хотя мы не можем с такой же уверенностью, какую нам внушают логические истины, утверждать, что, например, пространство, которое мы воспринимаем, таково на

evolutionary biologist Konrad Lorenz in his sketch of the Darwinist interpretation of the Kantian theory of cognition published in 1941 (*cf.* Lorenz, 2009), i.e. before the major works that made him famous. Later, in his book *Behind the Mirror* (1973), he analyses in more detail the structure and evolution of man's cognitive apparatus while distancing himself from Kant's transcendental idealism (Lorenz, 1977, pp. 7-10) and contrasting it with hypothetical realism, a concept formulated by evolutionary epistemologist Donald Campbell. The hypothetical realism of the latter is close to Karl Popper's "critical realism" and conceives of reality as a constantly verified hypothesis (Campbell, 1959, p. 156) in the sense that we do not have and cannot have foundations of knowledge reliable enough to satisfy the fundamentalists. Lorenz (1977, p. 37) finds in hypothetical realism, among other things, the fact that "the categories and modes of perception of man's cognitive apparatus are the natural products of phylogeny and thus adapted to the parameters of external reality in the same way, and for the same reasons, as the horse's hooves are adapted to the prairie, or the fish's fins to the water" — the thesis he first clearly articulated back in 1941.

Although the two above-mentioned authors diverge somewhat in their treatment of hypothetical realism this concept nevertheless in its common core differs from transcendental idealism in two main features. First, as Lorenz rightly points out, the cognitive apparatus can only be *a priori* with regard to individuals, i.e. in the ontogenetic aspect. With regard to man as a species, i.e. from the phylogenetic angle, bearing in mind all its previous evolutionary stages of development, it is a mechanism that *evolved historically* (Lorenz, 1977, pp. 9-10). And secondly, as a consequence of the first, evolutionary epistemologists reject Kant's conviction that we can say *nothing* about the form of things in themselves. If we perceived them in a totally false light even our distant ancestors could not have survived at any stage of the evolutionary path (Lorenz, 1977, p. 12). Therefore if we cannot say with the same confidence that logical truths would have us believe that, for example, space which we perceive is actually as we perceive it, and indeed classical physics after Einstein denies this, we can rely on our idea of space if not in the relativity theory, at least in our practical activities. In the light of the theory of natural selection we

самом деле, да и классическая физика после Эйнштейна это отрицает, но можем надежно опираться на наше представление пространства если не в теории относительности, то по крайней мере в нашей практической деятельности. В свете теории естественного отбора мы можем быть уверены, что наши априорные формы познания *приблизительно* соответствуют структурам ноуменального мира.

Но расхождения современной эволюционной эпистемологии с Кантом — это «семейный спор», а чтобы артикулировать свою позицию в фундаментальном размежевании с аналитической философией по вопросу о существовании априорных синтетических суждений, я вынужден сохранять терминологию Канта. Как будет показано ниже, концепция приспособления с помощью естественного отбора, опровергая в деталях, подтверждает и усиливает модальный дуализм Канта в принципе, способствуя развитию и усилению философской позиции последнего в контексте спора с аналитической школой.

Своей эволюционной трактовкой Лоренц смягчает ригоризм кантовской дихотомии вещей самих по себе и представлений, одновременно не «разбивая стекло» и не отказываясь от принципиального дуализма. «Мост» над зиявшей ранее пропастью между двумя онтологическими мирами был найден в принципе приспособления. В эволюционно значимом масштабе филогенеза структура когнитивного аппарата постепенно притиралась и приспособлялась к структуре объективного мира в той же мере и направлении, как конкретное содержание знаний подрастающего ребенка постепенно все более адекватно отражает положение дел в реальности на протяжении его взросления и жизни в целом.

Я бы дополнил аргументацию Лоренца об эволюции априорного знания уместной в данном случае аналогией с «эволюцией» компьютеров, которую сам он, учитывая время его творчества, провести еще не мог: содержание⁴ жесткого диска компьютера стоит в том же отношении к «мягкому» программному обеспечению и к вводным данным, в каком врожденный аппарат познания человека, обеспечиваемый его генетическим кодом, стоит к наукам и опыту, приобретаемым им в течение жизни. И точно так же, как емкость, структура и качество технического содержания жестких дисков изменялись от одного поколения компьютеров к другому на протяжении десятилетий, априорный, генетически за-

⁴ Кант мог бы сказать «*трансцендентальное содержание*», что значит «априорные формы».

can be sure that our *a priori* forms of cognition *approximately* correspond to the structures of the noumenal world.

However, the divergence between modern evolutionary epistemology and Kant being merely “a family quarrel” I had to preserve Kant’s terminology to articulate my position in the face of the more significant opposition to analytic philosophy on the issue of the existence of *a priori* synthetic judgments. As will be shown below, the concept of adaptation through natural selection, while rejecting Kant’s dualism over details, confirms and reinforces it in principle, thus developing and reinforcing the latter’s philosophical position with regard to the dispute with the analytical school.

Lorenz’s evolutionary interpretation mitigates the rigorism of the Kantian dichotomy of things in themselves and representations while not “smashing the glass” and not renouncing dualism in principle. “The bridge” over the previously gaping ravine between the two ontological worlds was found in the shape of the adaptation principle. On the scale of phylogenesis that is significant from the evolutionary point of view, the structure of the cognitive apparatus was gradually fitted into and adapted to the structure of the objective world to the same degree and in the same direction as the concrete content of a growing child’s knowledge reflects the state of affairs in reality in an ever more accurate way throughout the period of his growth and throughout life in general.

I would complement Lorenz’s argumentation of the evolution of *a priori* knowledge by what I believe to be an apposite analogy with the evolution of computers which he himself of course could not have drawn, considering the time when he lived: the content⁴ of their hardware is in the same relationship to the software and to input data as man’s inborn cognition apparatus, ensured by his genetic code, is to sciences and the experience acquired during his lifetime. Just as the capacity, structure and quality of the technical content of the hardware has changed from one generation of computers to another over the decades, the *a priori* and genetically given cognitive apparatus of man and his forerunners improved

⁴ Kant might have said “*transcendental content*”, which means “*a priori forms*”.

данный когнитивный аппарат человека и его предшественников совершенствовался на протяжении миллионов лет их эволюционного развития. Поэтому априорность категориального аппарата человека относительна в той же мере, в какой и априорность содержания жесткого диска компьютеров.

Категории субстанции и причинности

Рассмотрим теперь, как категории субстанции и причинности, наиболее часто упоминаемые самим Кантом, получают новую интерпретацию в свете современной биологии и психологии.

В своей «Критике» Кант использует, не особенно различая, два разных по степени абстрактности варианта понятия субстанции, которые можно охарактеризовать как относительный и абсолютный (см.: Allison, 2004, p. 242). Абсолютное понимание субстанции — как субстрата *всех* возможных явлений — доминирует в параграфе, специально посвященном анализу этой категории (B 224–232; Кант, 2006, с. 311–321). Очевидно, что такое понимание нельзя назвать априорной формой познания, поскольку оно является результатом философской рефлексии. Другое же понимание, выраженное, например, во фрагментах B 149, 186, 288, 289, 300 и 322 (Кант, 2006, с. 223, 267, 385, 399, 423), оказывается в свете упомянутой философской рефлексии относительным, так как организует картину не мира в целом, а отдельных объектов, обладающих постоянством лишь на протяжении определенного периода времени. Тем не менее именно такое понимание полностью отвечает представлению об априорной форме или когнитивном механизме как *способе* познания, а не результате логического размышления. Похоже, что Кант вложил в уже известное со времен Аристотеля понятие субстанции в его абсолютной версии новое, трансцендентальное, значение, подготовленное концепцией монад Лейбница — субстанций во множественном числе. Интерпретируя позицию Канта, изложенную в указанных выше фрагментах, можно сказать, что функция категории субстанции заключена в выполнении такой же роли в отношении созерцаний, какую логический субъект в аналитическом суждении выполняет в отношении предиката, — роли «контейнера», и Кант не устает подчеркивать, что субстанция возможна только как такой логический субъект, но никогда как предикат. Другими словами, если мы подставим под какой-то фрагмент многообразного в созерцании, имеющегося у нас в наличии, категорию субстанции, так что это многообразное становится ее «предикатом», то получим эмпирический объект. И эту операцию выполняет наш когнитив-

over millions of years of their evolution. Therefore the *a priori* character of man's cognitive apparatus is relative to the same extent as the *a priori* character of the content of the computer hardware.

Categories of Substance and Causality

Let us now consider how the categories of substance and causality, which are most frequently mentioned by Kant himself, are reinterpreted in the light of modern biology and psychology.

In his *Critique* Kant uses, without particularly attempting to distinguish them, two concepts of substance that are abstract to different degrees and can be characterised as relative and absolute respectively (*cf.* Allison, 2004, p. 242). The absolute concept of substance — as the substratum of all possible phenomena — informs the section specially devoted to the analysis of this category (B 224-232; Kant, 1998, pp. 299-304). Obviously, this interpretation cannot be called an *a priori* form of cognition because it is a result of philosophical reflection. Another interpretation, expressed for example, in fragments B 149, 186, 288, 289, 300 and 322, turns out, in the light of the above-mentioned philosophical reflection, to be relative because it organises not the picture of the world as a whole but of individual objects which are constant only over a certain period of time. Nevertheless, this understanding fully accords with the idea of a *a priori* form or cognitive mechanism as a *mode* of cognition and not as a result of logical reflection. It looks as if Kant invested the concept of substance, known since the times of Aristotle in its absolute version, with a new, transcendental meaning prepared by Leibniz's concept of monads, substances in the plural. Interpreting Kant's position set forth in the above fragments one can say that the function of the category of substance consists in fulfilling the same role with regard to intuition as the logical subject in an analytical judgment performs with regard to the predicate, the role of "container," and Kant never tires of stressing that substance is possible only as a logical subject and never as a predicate. In other words, if we put the category of substance under some fragments of the manifold of intuition that we have so that manifold becomes its "predicate" we will get an empirical object. This operation is performed by our cognitive apparatus without our conscious will.

ный аппарат без нашей сознательной воли. Я буду иметь в виду лишь это последнее понимание категории субстанции в предлагаемой мной интерпретации ее в свете дарвинизма. Замечу, что субстанция в абсолютном значении не способна дать нам никакого эмпирического объекта, какая бы масса многообразного в созерцании для этого ни использовалась, и, значит, категорией в строгом смысле слова не является. Скорее, это лишь синоним космологической идеи, плод «чистого разума», проанализированный Кантом в «Антиномиях чистого разума».

Современная психология развития выяснила, что различать объекты и, с другой стороны, узнавать уже знакомый объект, то есть пользоваться, в терминах Канта, категорией субстанции, ребенок начинает с пяти месяцев (Maddy, 2007, p. 247). Пенелопа Мэдди довольно подробно излагает историю вопроса и детали экспериментов психологов с младенцами, основываясь на обширной литературе. Из ее описания становится очевидным, что когнитивный механизм, именуемый у Канта категорией субстанции, современная наука называет «объектом Спелке»⁵, хотя ни сама Мэдди, ни, тем более, психологи прямо не проводят такого отождествления. Для психологов критерием появления в развивающемся аппарате познания детей способности считать исчезнувший из поля зрения объект продолжающим свое существование служила их реакция удивления при обнаружении, что предмета, исчезнувшего за экраном в ходе эксперимента, там нет (нет, конечно, благодаря не замеченному ими обману со стороны экспериментаторов).

Очевидно, что эта способность (= категория) появляется в аппарате познания согласно генетически заданному графику развития. До этих же пор ребенок видит или ощущает мир как калейдоскопическую череду бессмысленных пока для него явлений, и его ощущения «ловятся» только инстинктами, когда, например, он реагирует плачем на некомфортные условия.

Переведя рассмотрение этого вопроса с онтогенетического в филогенетический ракурс, мы можем быть уверены в том, что все высшие животные — птицы и млекопитающие — обладают этой категорией, а также имеем основания предположить, что у низших животных, как и у младенцев до пяти месяцев, ее нет. Например, насекомые, вполне вероятно, обходятся без нее, реагируя не на категориально оформленные объекты, а лишь на созерцания, с помощью инстинкта.

⁵ По имени ученой, впервые подробно описавшей эту когнитивную способность как врожденную.

I will be referring only to this, the last understanding of the category of substance in my proposed interpretation of it in the light of Darwinism. I have to note in this connection that substance in its absolute meaning is incapable of producing any empirical object, whatever mass of the observed manifold is used for the purpose, and hence is not a category in the strict sense of the word. Rather, it is a synonym of the cosmological idea, a fruit of “pure reason” analysed by Kant in “The Antinomy of Pure Reason”.

Modern developmental psychology has found that a child begins to distinguish objects and, on the other hand, to recognise a familiar object, i.e. use what Kant calls the category of substance, from the time it is five months old (Maddy, 2007, p. 247). Penelope Maddy, making use of a vast literature, fills in the background and the details of psychologists’ experiments with babies. From her description it becomes clear that the cognitive mechanism that Kant refers to as the category of substance modern science calls “Spelke-object”,⁵ though neither Maddy nor psychologists expressly equate them. For psychologists, the sign that the child’s developing cognitive apparatus acquires the ability to consider that an object that has disappeared from its field of vision continues its existence was their reaction of surprise when discovering that the object that had disappeared behind the screen during the course of the experiment was not there (it did not notice its removal by the experimenter).

Obviously, this ability (= category) appears in the cognitive apparatus in accordance with the genetically given schedule of development. Until that moment the child sees or perceives the world as a kaleidoscopic string of as yet meaningless phenomena and its perceptions are “captured” only by instincts when, for example, the child reacts to discomfort by crying.

Shifting the angle from the ontogenetic to the phylogenetic, we can be sure that all the higher animals — birds and mammals — possess this category and we can suppose that lower animals, as well as babies until they are five months old, do not have it. For example, insects apparently manage without it, reacting not to objects categorised but only to intuitions through instinct.

⁵ Named after the scientist who first provided a detailed description of this cognitive ability as being inborn.

Рассмотрим теперь другую априорную форму нашего рассудка — причинность. Так как Кант считал ее первым примером синтетического суждения априори (В 13; Кант, 2006, с. 65), выяснение ее возможности поможет пролить свет на природу всех подобных суждений. Опять-таки, с точки зрения современной науки мы можем предположить, что, во-первых, в контексте эволюции категория причинности в когнитивном аппарате происходит из безусловного рефлекса в поведенческом кодексе (Лоренц, 1998, с. 254, 330–333). Поэтому, если мы найдем объяснение для императивности, с какой функционируют в поведении животных рефлексы, то мы сделаем хотя бы шаг в объяснении возможности и синтетических суждений априори. Во-вторых, причинность, как очевидно и другие категории, закрепилась в когнитивном аппарате, по образцу рефлексов, благодаря все тому же естественному отбору: можно предположить, что индивиды, обладающие ею, получили эволюционное преимущество в борьбе за жизнь, а эмпирическое знание окружающего мира, очевидно, давало его — по сравнению с теми, кто этой категорией не обладал.

Необходимость-2, как я обозначу априорно-синтетическую необходимость в противоположность аналитической необходимости-1, может быть объяснена следующим образом. Что касается безусловных рефлексов, генетическая программа диктует во всех случаях необходимость определенной реакции на определенный стимул. Предположим, что только в 60 % жизненных случаев правило «Если А, то В» благоприятно для выживания и размножения особи. Хотя в остальных 40 % случаев особь с такой командой в своем генотипе будет гибнуть, тем не менее ген с этим правилом будет постепенно распространяться. А вместе с этим естественный отбор будет преодолевать сама необходимость-2 как таковая. Наше знание, что успешный ген дает не абсолютный успех, а только относительный, — внешнее и применимо к популяции особей одного вида или к некоей репрезентативной выборке. Отдельный же организм осуществляет генетическую команду в режиме *абсолютного* подчинения. Только в этом смысле можно говорить об априорной необходимости синтетических положений. Необходимость-2 вменена нам естественным отбором. Поставь наши далекие предки ее под сомнение, если бы гипотетически они могли это сделать, — и нас бы сегодня не существовало. Императивность, таким образом, вменяется синтетическим априорным связям извне, и проистекает не из основания, как в необходимости-1, а из следствия. Грубо

Let us consider another *a priori* form of our understanding, causality. Since Kant considered it to be the first example of synthetic *a priori* judgment (В 13; Kant, 1998, p. 131), the clarification of its possibility may throw light on the nature of all similar judgments. Again, from the point of view of modern science we can assume that, first, in the context of evolution the category of causality in the cognitive apparatus originates from the unconditioned reflex in the behavioural code (Lorenz, 1977, p. 12, 97-100). Thus, if we find an explanation for the imperative way in which reflexes function in the behaviour of animals, we will make at least a step forward in explaining the possibility of *a priori* synthetic judgments as well. Secondly, causality, as apparently other categories, has been fixed in the cognitive apparatus in the same way as reflexes thanks to natural selection: one can imagine that individuals that possessed this category gained an evolutionary advantage in the struggle for survival — and it was apparently provided by empirical knowledge of the surrounding world — compared to those who did not.

Necessity-2, as I propose to call the *a priori*-synthetic necessity as distinct from analytical Necessity-1, can be explained in the following way. With regard to unconditioned reflexes, the genetic programme in all cases dictates the need for a definite reaction to a definite stimulus. Let us suppose that the rule “If A then B” favours the survival and propagation of an animal individual in only 60% of cases. Although the animal with such a command in its genotype will perish in the remaining 40% of cases, nevertheless the gene with this rule will gradually spread. Simultaneously Necessity-2 as such will overcome natural selection. Our knowledge that a successful gene produces only relative and not absolute success is external and applies to the population of animals of one species or some representative sample. A separate organism carries out the genetic command in the *absolute* obedience mode. It is only in this sense that we can speak of *a priori* necessity of synthetic claims. Necessity-2 is imputed to us by natural selection. Had our distant ancestors called it into question, if they could have done it hypothetically, we would not exist today. The imperative is thus imputed to synthetic *a priori* links from outside and stems not from the ground as in Necessity-1, but from the consequence. To put it crudely,

говоря, принцип этих связей относительно рефлексов таков: если мы живы (= следствие), то исходя из *этого факта* такие-то и такие-то жесткие регулярности в прошлом были для этого необходимы. Но чтобы мы могли сделать такое заключение, модальная сила этого принципа должна быть опрокинута в прошлое и привязана к тем связям уже тогда. По-видимому, именно такой род необходимости, необходимости «в кредит», вменяется рефлексам и заимствуется затем принципом причинности, закрепляясь естественным отбором. В полном согласии с принципами кантовской трансцендентальной логики, они бессмысленны сами по себе и имеют значение только в их применении к опыту, более конкретно в данном случае — к выживанию.

Хотя мы рассмотрели не собственно принцип причинности — предмет кантовского исследования, а, если можно так выразиться, его непосредственного предшественника — безусловный рефлекс, от которого этот принцип заимствовал свою модальную силу, есть все основания считать, что необходимость-2 может быть выявлена у высших животных в ее когнитивном (а не поведенческом, как в случае рефлексов) применении. Так, Иван Петрович Павлов, как мы знаем из школьного учебника, открыл существование условных рефлексов в результате экспериментов с подопытной собакой. После определенного количества повторов, когда после зажигания лампочки появлялась еда, собака начинала секретировать желудочный сок после зажигания света и до появления еды. Следовательно, свет и еду она начинала связывать в модальности необходимости. Но это не собственно рефлекс, которым в данном эксперименте является выделение собакой желудочного сока в ответ на новый стимул. Связь света с едой может пониматься именно *причинной* связью в когнитивном смысле. Степень ее обоснованности — уже совершенно другой вопрос. Хорошо, если найденная связь логически обоснована, что требуется для рассуждений человека, который легко докажет, что свет не может быть причиной еды, но если у животных она не обоснована логически, то это свидетельствует в пользу того, что категории могут применяться *до* появления логического мышления. Значит, элементарные когнитивные механизмы используются уже высшими животными, всеми млекопитающими и птицами. Условный рефлекс в целом смело можно назвать одной из первых форм эмпирического знания в эволюционирующей природе. Подчеркну, забегая вперед, что подобные *фрагментарные* знания не нуждаются ни в единстве апперцепции, ни в апперцепции вообще.

the principle of these links with regard to reflexes is as follows: if we are alive (= consequence), then proceeding from *this fact* such and such rigid rules in the past were necessary for this. But for the possibility of drawing such a conclusion, the modal force of this principle must be directed to the past and must have been tied to those links already. Apparently it is such a necessity, a necessity “on credit,” that is imposed on reflexes and is then borrowed by the principle of causality, which was fixed by natural selection. In full accordance with the principles of Kantian transcendental logic, they make no sense in themselves and only have meaning when applied to experience. In this case to survival.

Although we have examined not the principle of causality proper — the subject of investigation for Kant but, in a manner of speaking, its immediate forerunner — the unconditioned reflex from which this principle borrowed its modal force, there are ample grounds for asserting that Necessity-2 can be found in higher animals in its cognitive (not behavioural, as in the case of reflexes) application. Thus Ivan Pavlov, as we know from our school textbook, discovered the existence of conditioned reflexes through his experiments with dogs. After a certain number of repetitions when food arrived after a lamp was lit the dog began to secrete gastric juice after the light was put on even before food appeared. Consequently, it began to link light and food in the modality of necessity. But this is not a reflex proper which in this experiment is the secretion of the gastric juice in response to a new stimulus. The connection between light and food can only be understood as *causal* connection in the cognitive sense. The degree to which it is justified is an entirely different question. It would be gratifying if the connection found is logically justified; logic is required for man’s reasoning and he would easily prove that light cannot be the cause of food. If, however, it is not justified logically by animals this shows that categories can be applied *before* logical thinking appears. Hence animals, all mammals and birds, already use elementary cognitive mechanisms. The conditioned reflex as a whole can safely be considered as one of the early forms of empirical knowledge in evolving nature. Looking ahead, let me stress that this *fragmentary* knowledge does not require a unity of apperception, nor apperception in general.

Идея адаптации когнитивных механизмов к реальности, подразумеваемая принципом естественного отбора, введенного эволюционными эпистемологами в теорию познания, позволяет предположить, что природу саму по себе структурирует что-то похожее на причинность, являющуюся категорией нашего аппарата, — некая протопричинность, сложность которой мы постичь не в силах и которая должна охватывать собой каким-то образом «индетерминизм» квантовой механики как свой особый случай. Категория же причинности по своему происхождению является не эмпирическим отражением протопричинности, хотя и адаптирована к ней, а использованием в новой роли уже существовавшего механизма, оказавшегося у природы «под рукой».

К различению чувственности и рассудка

Обратимся теперь к теме, обойденной Лоренцем и другими дарвинистскими интерпретаторами Канта, в которой дарвинизм подтверждает правоту последнего в вопросе независимости друг от друга чувственности и рассудка, несмотря на то, что «мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы» (В 75; Кант, 2006, с. 139; см. также: В 122–123; Кант, 2006, с. 192–193). В «Примечании к амфиболии рефлексивных понятий» Кант различил их с помощью особой трансцендентальной рефлексии, подвергнув критике тенденции к стиранию различий у Лейбница и Локка. Но *эволюционное* обоснование их различия более доступно для понимания и тем самым более эффективно. Состоит оно в том, что рассудок в историко-эволюционном контексте — более поздний продукт эволюции по сравнению с чувственностью. Хрестоматийную амебу, например, отличает полное отсутствие даже намеков на какие-то зародышевые формы рассудка. Однако она явно обладает чувственностью, с помощью которой находит свою пищу и избегает опасностей. Но если чувственность, как это вытекает из кантовских рассуждений, служит для того, чтобы давать сырой материал для последующей обработки его рассудком, без которого она «слепая», то для чего она тем животным, у которых рассудка нет? Ответ прост: чувственность всех организмов в живой природе изначально была предназначена для снабжения *инстинкта*, или, иначе, генетической программы поведения, информацией о внешней среде. Органы чувств транслируют информацию без разбора, «слепо», на датчики инстинктов, а те

The idea of adaptation of cognitive mechanisms to reality implied in the natural selection principle, introduced by evolutionary epistemologists into the theory of cognition, warrants the hypothesis that nature itself is structured by something that resembles causality, which is a category of our apparatus, a kind of proto-causality whose complexity we are unable to comprehend and which must somehow cover the “indeterminism” of quantum mechanics of which it is a particular case. The category of causality in its origin is not an empirical reflection of proto-causality, although it is adapted to it, but constitutes the use in a new role of an existing mechanism that nature “had handy.”

On Distinguishing Sensibility and Understanding

Let us now turn to the theme which has been sidestepped by Lorenz and other Darwinist interpreters of Kant in which Darwinism confirms the rightness of the philosopher on the issue of sensibility and understanding being independent of each other, despite the fact that “Thoughts without content are empty, intuitions without concepts are blind” (B 75; Kant, 1998, pp. 193-194; cf. B 122-123; Kant, 1998, pp. 222-223). In the “Remark to the Amphiboly of Concepts of Reflection” Kant distinguished them through transcendental reflection, criticising the tendency of Leibniz and Locke to obscure the differences. But an *evolutionary* justification of their difference is more readily understandable and therefore more effective. It consists in the fact that understanding in its historical evolutionary context is predated by sensibility. The well-known amoeba, for example, does not have as much as a hint of an embryonic form of understanding. But it clearly has sensibility with the help of which it finds food and avoids danger. But if sensibility, as follows from Kant’s reasoning, serves to provide raw material for subsequent processing by the understanding, which is “blind” without it, how does it benefit the animals who have no understanding? The answer is simple: the sensibility of all organisms in living nature was initially meant to supply information about the external environment to the *instinct* or, put in another way, to the genetic programme of behaviour. The sense organs transmit in-

обрабатывают и сканируют ее, реагируя по формуле «стимул — реакция» на те ее фрагменты, которые значимы для жизни. Человек, как любое животное, продолжает реагировать на внешние стимулы инстинктивно, когда делает что-то неосознанно, например испытывает базовые эмоции, воспринимая внешние события, или выполняет физиологические функции. Рассудок при этом *параллельно* и с запозданием обрабатывает некоторые куски той же самой информации, которая первоначально была предназначена для обработки *только* инстинктом. Образно выражаясь, рассудок — лишь *второй* зритель в кинотеатре; кинотеатр существовал бы и продолжал бы функционировать и без него при наличии первого зрителя (= инстинкта). В необходимых случаях рассудок не рафинированного гносеологического субъекта, как у Канта, а практическиго деятеля корректирует инстинкты, произвольно тормозя их по необходимости (как, например, при походе к зубному врачу), и, если такое поведение вело в прошлом к успеху, то гены, ответственные за формирование рассудка, получали стимул к распространению. Таким образом, в контексте эволюции рассудок возник как помощник / соперник для инстинктов (в зависимости от меры совпадения решений, принимаемых рассудком и инстинктами автономно) в его функции командного пункта поведения организма, используя для себя уже налаженное (не для него!) чувственностью информационное снабжение. З. Фрейд убедительно показал своими исследованиями, что влияние инстинктов на человека продолжает существовать, и проблемы, порождаемые наличием разных командных пунктов поведения человека, достаточно актуальны.

Элементарными формами рассудка, если понимать под ними набор категорий, делающих возможным опыт, обладают уже высшие животные. Собака, сколь бы породистой она ни была, не рождается уже «воспитанной», — для этого требуется определенный цикл тренировок. Для ее диких сородичей тренировки заменяются давлением окружающей среды. В результате в любом случае животное руководствуется в своем поведении не только инстинктами, но и приобретенным знанием. Но тренировать, скажем, какое-нибудь насекомое или даже пресмыкающееся уже бессмысленно в силу отсутствия у них требующихся для этого условий — категорий.

Обратим теперь внимание на долгий спор концептуалистов и неконцептуалистов по поводу неконцептуального содержания знания, где обе стороны ссылаются на Канта. Исходя из дарвинист-

formation indiscriminately, “blindly,” to the meters of instincts which in turn process and scan it, reacting according to the “stimulus-reaction” formula to the fragments that are relevant to life. Man, like any animal, continues to react to external stimuli instinctively when he does something unconsciously, for example, he experiences basic emotions when perceiving external events or performing physiological functions. Meanwhile understanding processes *in parallel* and with a lag some fragments of the same information initially intended to be processed *only* by instinct. Figuratively speaking, understanding is only *the second* spectator in a cinema; the cinema would exist and continue functioning without him as long as the first spectator (= instinct) was present. When necessary the understanding of a practical agent, who is not a pure epistemological subject, as with Kant, corrects the instincts, shutting them out when necessary (for example, when visiting a dentist) and if such behaviour succeeded in the past then the genes responsible for the evolution of understanding had a stimulus to spread. Thus, in the context of evolution understanding appeared as a helpmate to or rival of instincts (depending on the degree to which decisions made by understanding and instincts autonomously coincide) in its function of command centre of an organism’s behaviour, using for itself the information supply already established (but not for it!). Freud showed convincingly by his research that man is still influenced by instincts and the problems created by the rivalry of various command centres of man’s behaviour are quite troublesome.

Higher animals already have elementary forms of understanding as a set of categories that make experience possible. A dog, whatever its pedigree, is not born “educated.” It requires a cycle of training. For its kin in the wild, training is replaced by the pressure of the surrounding environment. As a result, in any case the animal is guided in its behaviour not only by instincts but also by acquired knowledge. However, it makes no sense to train an insect or even a reptile because they do not have the necessary conditions, i.e. categories.

Let us now draw attention to the long-running dispute between conceptualists and non-conceptualists over the non-conceptual content of knowledge in which both sides invoke Kant. Proceeding

ской точки зрения, можно сделать вывод, что правы в нем концептуалисты, если, как признает поборник противоположной точки зрения Р. Ханна, «неконцептуальное содержание — это когнитивное содержание» (Hanna, 2005, p. 251), и под ним, неконцептуальным содержанием, понимается то, что Кант называл созерцанием.

Аргументация против позиции Ханны может быть следующей. Исходя из концепции «двух зрителей в кинотеатре», чувственность наряду с тем, что является необходимым компонентом эмпирического знания, остается независимой от понятий в ее работе на «первого зрителя» даже у человека во взрослом и здоровом состоянии, не говоря уже о младенцах или низших животных, лишенных «второго зрителя» вообще. Поэтому говорить, что чувства являются в этом случае содержанием знания, или «когнитивным содержанием», неверно, даже несмотря на то, что сам Кант называл созерцание познавательной способностью и причислял к знаниям как понятия, так и созерцания (В 376—377; Кант, 2006, с. 486—487). Здесь он мог иметь в виду созерцания в статусе компонента результирующего знания, необходимо оформленного понятиями. В другом случае он утверждает, что явления без их подчинения рассудку являют собой «хаотическое смешение» (В 123; Кант, 2006, с. 193), что вряд ли можно назвать знанием. Сам Ханна неявно пользуется помощью категорий, когда представляет явления в форме «индивидуальных материальных объектов» (Hanna, 2005, p. 282). Справедливо ли это? Кант действительно иногда считал явление объектом, но — «неопределенным объектом эмпирического созерцания» (В 34; Кант, 2006, с. 90). По-моему, *неопределенный* объект нельзя назвать ни индивидуальным, ни материальным.

Очевидно, что полноценные эмпирические объекты не могут восприниматься субъектом без использования категории субстанции. Явления поэтому — не объекты, по крайней мере не *определенные* объекты, так как они еще не получили объективации и не сохраняются в памяти организма после того, как выполнили (или тем более не выполнили) свою функцию стимула инстинктов. Поэтому в данном споре наиболее близка к истине, по-видимому, позиция, называемая Ханной третьей ослабленной версией концептуализма, защищающей единственный тезис, согласно которому «все когнитивные способности полностью детерминированы концептуальными способностями» (Hanna, 2005, p. 250), или, выражаясь проще, что все эмпирические знания детерминированы категориями.

from the Darwinist point of view, one can conclude that the conceptualists are right if, as the advocate of the opposite view, Robert Hanna (2005, p. 251) admits, “non-conceptual content is cognitive content,” and if non-conceptual content is what Kant called intuition.

The case against Hanna’s position may be as follows. Proceeding from the analogy of “two spectators in a cinema”, sensibility, apart from being a necessary component of empirical knowledge, remains independent of concepts in its work for the “first spectator,” even for a grown-up and healthy adult, to say nothing of infants and lower animals, who do not have a “second spectator” at all. Thus it would be wrong to say that feelings are the content of knowledge or “cognitive content,” even despite the fact that Kant himself referred to intuition as cognitive ability and included both concepts and intuition within knowledge (В 376-377; Kant, 1998, pp. 398-399). Here he may have had in mind intuition as a component of the resulting knowledge which must be formed into concepts. In another place he says that phenomena, which are not subordinate to understanding, represent “confusion” (В 123; Kant, 1998, p. 221), which can hardly be called knowledge. Hanna (2005, p. 282) himself implicitly uses categories when he calls phenomena “individual material objects”. Is this true? Kant did sometimes consider appearance to be an object but “an undetermined object of an empirical intuition” (В 34; Kant, 1998, p. 172). In my opinion, an *undetermined* object cannot be called either individual or material.

Obviously, full-fledged empirical objects cannot be perceived by a subject without using the category of substance. Therefore phenomena are not objects, at least not *determined* objects because they have not yet been objectivised and are not stored in the organism’s memory after they have fulfilled (or even more so, not fulfilled) their function of stimulating instincts. Therefore in this argument the position that Hanna (2005, p. 250) calls the third weakened version of conceptualism is closer to the truth, as it upholds the sole thesis whereby “all cognitive capacities are fully determined by conceptual capacities,” or, put more simply, that all empirical knowledge is determined by categories.

Критика метафизической и трансцендентальной дедукций

Выведение Кантом категорий из логических функций в метафизической дедукции вызывает, среди прочего, вопрос по поводу наследования категорией причинности модальной силы «гипотетических суждений», поставленных ей в соответствие (B 95; Кант, 2006, с. 161). Гипотетические суждения Кант характеризовал как «отношение оснований к следствию» (B 98; Кант, 2006, с. 165), порождая тем самым неопределенность. С одной стороны, если, принимая во внимание их гипотетичность, эти суждения не аналитические, то встает вопрос: где в таблице логических функций основная функция логики — логическое следование, или дедукция в логическом смысле? Если же, с другой стороны, принимая во внимание их характеристику как «отношения оснований к следствию», они все-таки выражают отношение дедукции, и если категории выводимы из поставленных им в соответствие логических функций или даже представляют собой «ту же самую функцию» (B 104; Кант, 2006, с. 172), то почему причинность правомерно рассматривать как преемника именно логического следования? Кант не оставил ответа на этот напрашивающийся вопрос, а ведь в нем заключен принципиальный для всей его трансцендентальной философии смысл, так как если отношение оснований к следствию, по всей видимости, аналитическое⁶, то отношение причинности, на чем он настаивал, — синтетическое. Эллисон объяснил это так, что каузальность — «отношение реального (нежели просто) логического основания к его следствию», а логическое следование — «родовое» по отношению к каузальности (Allison, 2004, p. 151). Но как мы можем, вслед за Кантом, различать аналитические и синтетические суждения, если последние каким-то таинственным образом происходят от первых или даже, как считает Эллисон, являются их подвидом? А именно так выглядит происхождение категории причинности из гипотетических суждений. Как совместить это с определениями, данными самим Кантом, согласно которым синтетические суждения, в отличие от аналитических, добавляют к субъекту суждения новое знание? Под угрозой оказывается модальный дуализм — краеугольный принцип всей трансцендентальной философии. Разные части «Критики чистого разума» оказываются не согласующимися друг с другом и

⁶ Логические высказывания обычно, в частности У. Куайном, считаются подклассом аналитических высказываний.

Critique of Metaphysical and Transcendental Deductions

The fact that Kant derives categories from logical functions through metaphysical deduction prompts, among other things, the question of inheritance by the category of causality of the modal force of “hypothetical judgments” that correlate with it (B 95; Kant, 1998, p. 206). Kant described hypothetical judgments as a relation “of the ground to the consequence” (B 98; Kant, 1998, p. 208), thus creating ambiguity. On the one hand, if, because they are hypothetical, these judgments are not analytical then the question arises: where in the table of logical functions is the main function of logical consequence or deduction in the logical sense? If, on the other hand, proceeding from their description as a relation “of the ground to the consequence,” they do after all express the relation of deduction and if categories can be derived from the corresponding logical functions or even represent “[t]he same function” (B 104; Kant, 1998, p. 211), then why can causality be treated as a successor of logical consequence? Kant has left no answer to this question, and yet it carries a meaning that is fundamental for his entire transcendental philosophy since if the relation of the ground to the consequence appears to be analytical,⁶ then the relation of causality, as he insisted, is synthetic. Allison (2004, p. 151) offered this explanation: causality is “the relation of a *real* (rather than a merely) logical ground to its consequent,” and logical consequence is “generic” with respect to causality. But how can we, following Kant, distinguish analytical and synthetic judgments if the latter in some arcane and mysterious way originate from the former or even, as Allison believes, are their subclass? And yet this is what the derivation of the category of causality from hypothetical judgments appears to be. How is this to be squared with the definitions given by Kant himself whereby synthetic judgments, as distinct from analytical ones, add new knowledge to the subject of the judgment? This threatens modal dualism, the cornerstone principle of all transcendental philosophy. Different parts of the *Critique of Pure Reason*, then, do not agree with one another and cannot but summon the ghost of

⁶ Logical judgments are usually considered, for example by Willard Quine, to be a subclass of analytical judgements.

неволью вызывают призрак Куайна с его сомнениями в различимости аналитических и синтетических суждений вообще. Кажется, что единственной целью метафизической дедукции, проблемной также с других точек зрения, является желание Канта отмежевать категории от любых форм чувственности, так или иначе обосновав их автономию в отношении последних. В теоретических рамках дарвинизма, как мы увидели, такая автономность действительно подтверждается, но она не требует сомнительных подпорок типа метафизической дедукции.

Эволюционный взгляд на происхождение категорий вносит существенные коррективы — до какой степени, этот вопрос требует более пристального изучения — и в трансцендентальную дедукцию, которая представляет собой пресловуто трудное, сложное ядро «Критики чистого разума» как для понимания его читателями, так и, по признанию Канта, для его формулирования самим автором. Вкратце, категории, по мнению Канта, невозможны без единства трансцендентальной апперцепции, которое, в свою очередь, выводится из самосознания, из сознания того, что все мои представления принадлежат мне (В 131–132; Кант, 2006, с. 203). Основания для нашего возражения против такого рода генеалогии категорий состоят в следующем. Кант не единожды в своих работах указывает, что отличие человека от животных состоит в его способности обладать самосознанием⁷, находя чувственность их общей способностью, причем гораздо более развитой у животных. Но о том, что животные обладают категориями, Кант умалчивает. Таким образом, получается, что, если условием возможности категорий является самосознание, то возможность пользоваться понятиями — не только категориями, но и эмпирическими понятиями, образуемыми с помощью категорий, — принадлежит только человеку.

Но это не так. Высшие животные — млекопитающие и птицы — явно пользуются понятиями в своем поведении. Их детеныши изучают окружающий их мир и свойства вещей ради приобретения опыта, которым будут пользоваться в течение остальной своей жизни. Животные способны к обучению, которое невозможно без априорно заданных предпосылок, без категорий, но одновременно лишены самосознания, в чем я согласен с Кантом. Следовательно, примеры пользования категориями субстанции и причинности животными фальсифицируют направление «сверху вниз» трансцендентальной дедукции Канта. Категории не зависят от самосознания, и их

⁷ Я благодарен М.Д. Евстигнееву за предоставление его обширной подборки высказываний Канта о животных.

Quine with his doubts as to whether analytical and synthetic judgments can be distinguished from each other at all. It seems that the only aim of metaphysical deduction, problematic also from other points of view, is Kant's wish to separate categories from any forms of sensibility by grounding their autonomy with respect to the latter in one way or another. Within the theoretical framework of Darwinism, as we have seen, such autonomy is confirmed, but it does not require dubious props such as metaphysical deduction.

The evolutionary view of the origin of categories introduces important corrections — to what extent is a matter for closer inspection — into transcendental deduction which is the notoriously difficult and complicated core of the *Critique of Pure Reason* both for readers and, as Kant confesses, for the formulation by the author himself. In a nutshell, categories, in Kant's opinion, are impossible without a unity of transcendental apperception which in turn is derived from self-consciousness, from the consciousness that all my perceptions belong to me (В 131-132; Kant, 1998, p. 246). The grounds for our objection to this kind of genealogy of categories are as follows: Kant points out more than once in his works that the difference of man from animals consists in his ability to have self-consciousness;⁷ they share the capacity of sensibility, which is more developed in animals. But Kant says nothing about animals having categories. Thus, it appears to be the case that while self-consciousness is a precondition of categories the capacity of using concepts — not only categories but empirical concepts formed through categories — is possessed only by man.

But that is not the case. Higher animals — mammals and birds — clearly use concepts in their behaviour. Their little ones explore the surrounding world and the properties of objects to gain experience which they use throughout the rest of their lives. Animals are capable of learning, which is impossible without *a priori* prerequisites, without categories, but at the same time have no self-consciousness, a statement about which I am in agreement with Kant. Consequently, the examples of animals using categories of substance and causality falsify the “from top to bottom” direction of Kant's

⁷ I am grateful to Maxim D. Evstigneyev for providing me with a copious selection of Kant's statements on animals.

трансцендентальная дедукция в изложенной Кантом форме неверна, так же как они не зависят и от логических функций по той же причине — из-за отсутствия логического мышления как у животных, так и у пятимесячных младенцев, что опровергает, соответственно, метафизическую дедукцию.

К такому же выводу, а именно — «рассуждение “Дедукции” ненадежно», приходят П. Гайер, Дж. Ван Клеве и Р. Хауэлл, согласившись, что построение ее аргументации выражается в нисхождении от единства апперцепции к подчиняемому категориям единству объектов. Хауэлл определяет этот результат как «третий пункт прогресса в современном кантоведении» (Howell, 2013, p. 44). Здесь можно только констатировать, что дарвинистские методы исследования вопроса по своим результатам совпали с недарвинистскими.

Но если самосознание в вопросе происхождения категорий не играет ключевую роль, то что могло заставить Канта думать иначе? Напомню, он начинает трансцендентальную дедукцию словами: «Должно быть *возможно*, чтобы я *мыслю* сопровождало все мои представления; в противном случае во мне представлялось бы нечто такое, что во все нельзя было бы мыслить» (B 131–132; Кант, 2006, с. 203). Это на первый взгляд неоспоримое утверждение оказывается легковесным в свете современной психологии. Очевидно, что рефлексия «я мыслю» является актом интроспекции или, если можно так выразиться, концептуализацией «внутреннего чувства», если использовать термин Канта. Но более внимательный анализ двух видов чувств, которыми оперирует Кант в «Трансцендентальной логике», — внешнего и внутреннего — позволяет сделать вывод, что рассудок предназначен прежде всего для концептуализации *внешнего* чувства, то есть для оформления этого чувства в понятиях, для подведения созерцаний под понятия. Внутреннее же чувство и, соответственно, его концептуализация — это действия интеллекта более высокой ступени. Не могла ли способность интроспекции родиться из необходимости понимать мотивы поведения соплеменников в сообществах первобытного человека как средство такого понимания (см.: Smith, 1991, p. 48 сл.), ознаменовав тем самым историческое событие — переход от животных к человеку? Если так, то отсюда вполне допустима мысль, что более низкая ступень концептуализации возможна без одновременного существования более высокой. В таком случае субъект концептуализации первого рода не должен знать вообще об операциях своего рассудка, проходящих для него «в темноте», то есть в бес-

transcendental deduction. Categories do not depend on self-consciousness and their transcendental deduction in the form set forth by Kant is wrong, just as they do not depend on logical functions for the same reason, i.e. because animals as well as five-months-old babies lack logical thinking, which therefore refutes metaphysical deduction.

The same conclusion, that “the case of ‘Deduction’” is not tenable, is arrived at by Paul Guyer, James Van Cleve and Robert Howell, who agree that its argumentation is expressed in descent from the unity of apperception to the unity of objects subordinate to categories. Howell (2013, p. 44) defines this result as “the third point of progress in modern Kant studies.” I can only state that Darwinist methods of studying the issue have produced the same results as non-Darwinist ones.

However, if self-consciousness does not play the key role in the issue of the origin of categories what could have induced Kant to think otherwise? I will recall that he begins the transcendental deduction with the words: “The *I think* must be able to accompany all my representations; for otherwise something would be represented in me that could not be thought at all” (B 131-132; Kant, 1998, p. 246). This apparently irrefutable claim proves to be untenable in the perspective of modern psychology. Obviously, reflection (“I think”) is an act of introspection or, conceptualisation of the “inner sense”, to use Kant’s term. A closer look at the two types of senses Kant refers to in the “Transcendental Logic” — the outer sense and the inner one — warrants the conclusion that understanding is intended above all for conceptualisation of *outer* sense, i.e. to formalise this sense in concepts, to subject intuitions to concepts. Meanwhile the inner sense and, accordingly, its conceptualisation are acts of the intellect of a higher level. Could the capacity of introspection have been born of the need to understand the motives of the behaviour of fellow tribesmen in primitive communities as a means of such understanding (cf. Smith, 1991, p. 48), thus marking a historic event — the morphing of animals into man? If this is the case one may well conclude that a lower level of conceptualisation is possible in the absence of a higher one. In this case the subject of the first kind of conceptualisation is not supposed to know about the operations of its understanding which happen “in darkness,” i.e. in the unconscious. Then the transcendental de-

сознательном. Тогда трансцендентальная дедукция категорий никак не может начинаться с предпосылки о самосознании: условия «видимости» операций мышления не должны быть приравнены к условиям их существования. Кант здесь стал, по видимому, просто жертвой недостаточно развитых в его время знаний о природе сознания и отсутствия представлений о бессознательном вообще.

Опровергнув провозглашенный Кантом путь происхождения категорий, одновременно следует быть осторожными, чтобы не впасть в противоположную ошибку, посчитав, что дарвинизм реабилитирует их эмпирическую дедукцию. Такая ошибка может следовать из слишком упрощенного понимания дарвинистскими критиками Канта происхождения категорий в филогенетическом аспекте как происхождения *a posteriori*. Хотя Лоренц ограничился неясной фразой «функция ее (т.е. организации органов чувств. — И.К.) обусловлена исторически» (Лоренц, 1998, с. 252), но Фоллмер, например, считает, что «генетическая информация *приобретена* (курсив мой. — И.К.)... Она, следовательно, *филогенетически апостериорна*» (цит. по: Hartmann, 2017, p. 56). Смит в аналогичном духе вторит ему: «Эволюционист... полагает, что категории на самом деле проистекают из природы в процессе органической эволюции и, следовательно, имеют, вопреки Канту, “эмпирическое” происхождение» (Smith, 1991, p. 47).

По большому счету такая оценка неверна, поскольку категории и в филогенезе не происходят из опыта в смысле Локка или Юма, не приобретаются как уже нечто готовое, а развиваются путем генетических мутаций и *приспособления* с помощью естественного отбора. Да и как теоретически категории, даже в филогенетическом аспекте, могут быть приобретены нами апостериори, если для самой возможности такого способа приобретения уже необходимы априорные механизмы, то есть те же категории? Если эмпирики, не озабоченные их признанием, могли бы проигнорировать это замечание, то я не вижу, как это могли бы сделать эволюционные эпистемологи: как можно быть последовательным, признавая необходимость априорных механизмов для апостериорного знания в онтогенетическом аспекте, отрицая эту же необходимость для якобы апостериорного знания в аспекте филогенеза?

В итоге вышеприведенная аргументация позволяет сделать вывод, что дедукция категорий нашего познания в смысле Канта может считаться трансцендентальной только в онтогенетическом аспекте с той существенной поправкой, что их источник

deduction of categories cannot start with the self-consciousness premise: the conditions of “visibility” of thought operations must not be equated to the conditions of their existence. In the event Kant apparently was the victim of the insufficient knowledge at that time concerning the nature of consciousness and he lacked any notion of the unconscious.

Having refuted the path of the origin of categories proclaimed by Kant, one has to be careful, however, not to succumb to the opposite mistake by concluding that Darwinism rehabilitates their empirical deduction. This mistake may be the result of a simplistic understanding by Kant’s Darwinist critics of the origin of categories from the phylogenetic aspect and of the origin *a posteriori*. Although Lorenz (1977, p. 9) confined himself to a vague statement “its function [i.e. the function of the system of sense organs — I.K.] is [...] historically evolved,” Vollmer (1988 cited in Hartmann, 2017, p. 56), for example, believes that “this genetic information has been acquired [...]. It therefore is *a posteriori phylogenetically*.” Smith (1991, p. 47n2) echoes him: “The evolutionary biologist, however, suggests that the Categories themselves are indeed derived from nature, during organic evolution, and in consequence indeed have, contradicting Kant, an ‘empirical’ origin.”

At the end of the day this assessment is wrong because categories, even in phylogenesis, do not arise from experience in the sense of Locke or Hume; they are not acquired readymade but evolve through genetic mutation and *adaptation* by way of natural selection. And indeed, how can categories theoretically be obtained, even from the phylogenetic angle, *a posteriori* if the very possibility of such a path already requires an *a priori* mechanism, i.e. the self-same categories? While empiricists, unconcerned with their recognition, might have ignored this remark, I do not see how the same can be done by evolutionary epistemologists: how can one be consistent, recognising the need for *a priori* mechanisms for *a posteriori* knowledge in the ontogenetic sense while rejecting this need for purportedly *a posteriori* knowledge in the phylogenetic sense?

As a result, the above argument warrants the conclusion that deduction of the categories of our cognition in the Kantian sense can be seen as transcendental only in the ontogenetic aspect with the important correction that their source is not in the

находится не в самосознании, а в генах. В филогенетическом же аспекте она не является ни трансцендентальной, ни эмпирической. Она — *эволюционная*, движимая приспособлением, и выводит происхождение категорий из инстинктов.

Категория приспособления в системе онтологического плюрализма

Теперь перейдем от проблем познания и изучающей его природу и структуру трансцендентальной философии к более широкой теме, охватывающей все три «Критики» Канта, — проблеме связи в одной системе разных онтологий. Выше уже говорилось, что последующие поколения философов отмахнулись от кантовского дуализма вместе с подразумеваемой им проблемой связи физического детерминизма с человеческими ценностями и свободой воли. Дарвинизм может сыграть решающую роль в возвращении дуализма и, шире, плюрализма как его «расширения» на первые позиции в современной философии посредством предоставления в руки философов категории приспособления, осмысленной на философском уровне. Для изложения своих мыслей по этому поводу я использую систему Н. Гартмана, модифицированную Лоренцем в эволюционном духе. Побочным позитивным эффектом моей реконструкции станет решение спора современных комментаторов Канта по поводу того, какая из интерпретаций его трансцендентального идеализма — двухмирная или двухаспектная — является верной.

Но прежде чем я перейду к изложению системы Гартмана — Лоренца, обосную, почему рассмотрение онтологической проблематики критической философии предпочтительнее в рамках плюрализма, а не дуализма, как это делал Кант.

Под плюрализмом далее я буду понимать не плюрализм субстанций в духе Лейбница, а плюрализм парадигм или точек зрения, подобных по своей форме антропоцентризму или теоцентризму, которым некоторые сторонники двухаспектной интерпретации трансцендентального идеализма уподобляют феноменальный и ноуменальный миры Канта. Соответственно, «мир», или «онтология», будут во многом пониматься мной в духе «аспекта»⁸.

Проблему дуализма в контексте его сравнения с плюрализмом может иллюстрировать следующий широко цитируемый пассаж Канта:

⁸ В следующем параграфе, однако, «аспектный» подход к дуализму и плюрализму будет релятивизирован.

self-consciousness but in the genes. Phylogenetically, however, it is neither transcendental nor empirical. It is *evolutionary*, driven by adaptation, and it derives the origin of categories from instincts.

The Category of Adaptation in the System of Ontological Pluralism

Let us now pass on from the problems of cognition and transcendental philosophy which studies its nature and structure to a broader topic that covers all the three Kantian *Critiques*, viz. the problem of connecting different ontologies within a single system. As noted above, the next generation of philosophers brushed aside Kantian dualism along with the problem of the link between physical determinism and human values or the free will they imply. Darwinism can play the decisive role in bringing dualism and, more broadly, pluralism as its “expansion” back to the dominant position in modern philosophy by providing philosophers with the category of adaptation understood at the philosophical level. To present my ideas on this matter I use the system of Nicolai Hartmann, modified by Lorenz in the evolutionary spirit. A positive side effect of my reconstruction will be the resolution of the controversy among modern commentators of Kant as to which interpretation of Kant’s transcendental idealism — two-world or two-aspect interpretation — is true.

But before I proceed to present the Hartmann-Lorenz system I would like to explain why it is preferable to consider the ontological problems of critical philosophy in the framework of pluralism rather than dualism, as Kant did.

By pluralism I understand not the pluralism of substances in the spirit of Leibniz but the pluralism of paradigms or points of view, similar in form to anthropocentrism or theocentrism which proponents of the two-aspect interpretation of transcendental idealism liken to Kant’s phenomenal and noumenal worlds. Accordingly, in many ways I will interpret “the world” or “ontology” in the spirit of “aspect”.⁸

The problem of dualism in the context of its comparison with pluralism may be illustrated by the following widely quoted passage from Kant:

⁸ In the next section, however, the “aspect” approach to dualism and pluralism will be relativised.

Но если критика не заблуждалась, научая нас рассматривать объект в *двойном значении*, а именно как явление или как вещь саму по себе; если данная критикой дедуция рассудочных понятий верна и, следовательно, закон каузальности относится только к вещам в первом значении, т. е. поскольку они суть предметы опыта, между тем как вещи во втором значении не подчинены закону причинности, — то, не боясь впасть в противоречие, одну и ту же волю, взятую в явлении (в наблюдаемых поступках), с одной стороны, можно мыслить как необходимо сообразующуюся с законом природы и постольку *не свободную*, с другой же стороны, как принадлежащую вещи самой по себе, стало быть, не подчиненную закону природы и потому как *свободную* (В XXVII—XXVIII; Кант, 2006, с. 30—31).

Обычно этот отрывок приводится в защиту двухаспектной интерпретации трансцендентального идеализма. Я же хочу обратить внимание на другой сопутствующий этой интерпретации нюанс. Свобода воли, как мы видим, локализуется Кантом в мире вещей самих по себе, понимаемых прежде всего как внешние нам физические сущности, что кажется по меньшей мере странным. Дуалистическая матрица оказывается слишком узкой для всех онтологий, которые Кант хочет объять в своей системе, и некоторые из них он вынужден укладывать в одно прокрустово ложе. Может быть, плюралистический формат лучше отвечал бы его замыслу?

Николай Гартман, как бы отвечая на этот запрос, выдвинул идею о четырех слоях (стратах) реальности (см.: Hartmann, 1953), которые Лоренц называет также уровнями интеграции: неорганический, органический, психический и духовный. Характерной для их отношения между собой является строгая односторонняя зависимость: все органическое основывается на физических и химических процессах, но не наоборот. И так дальше вверх по иерархической пирамиде: «Перемещаясь от слоя к слою через разделяющие их границы, мы каждый раз обнаруживаем одно и то же отношение основанности на “низшем”, обусловленности этим “низшим” и в то же время самостоятельности высшего в его своеобразии и собственной закономерности» (Лоренц, 1998, с. 277).

Далее Лоренц цитирует Гартмана: «Легко усмотреть, что в устройстве реального мира существует некоторое расслоение; непредубежденный взгляд просто неизбежно обнаруживает его. И оно в самом деле было замечено уже давно. Но представление о расслоенности не могло быть беспрепятственно принято по той причине, что ему всюду противостоял постулат единства мира, выдвинутый спекулятивным мышлением» (Лоренц, 1998, с. 278—279).

But if the critique has not erred in teaching that the object should be taken in a *twofold meaning*, namely as appearance or as thing in itself; if its deduction of the pure concepts of the understanding is correct, and hence the principle of causality applies only to things taken in the first sense, namely insofar as they are objects of experience, while things in the second meaning are not subject to it; then just the same will be thought of in the appearance (in visible actions) as necessarily subject to the law of nature and to this extent *not free*, while yet on the other hand it is thought of as belonging to a thing in itself as not subject to that law, and hence *free* (В XXVII—XXVIII; Kant, 1998, p. 116).

Usually this passage is invoked to defend the two-aspect interpretation of transcendental idealism. However, I would like to draw attention to another nuance that accompanies such interpretation. As we see, Kant localises free will in the world of things in themselves understood primarily as physical entities external to us — a strange statement, to say the least. The dualist matrix turns out to be too narrow for all the ontologies which Kant seeks to embrace in his system, so that he has to put some of them in the same Procrustean bed. Perhaps the pluralistic format might serve his purpose better?

Nicolai Hartmann (1953), as if answering that question, put forward the idea of four strata of reality which Lorenz also refers to as levels of integration: inorganic, organic, psychic and spiritual. A salient characteristic of their interrelationship is strictly one-way dependence: everything organic is based on physical and chemical processes, but not vice versa. And this continues upward through a hierarchic pyramid: “From stratum to stratum, passing across the successive divisions, we find everywhere this principle of dependence on the stratum below, yet at the same time the autonomy of the superimposed stratum with its own structures and its own laws” (Lorenz, 1977, p. 38).

Lorenz then goes on to quote Hartmann (1964 cited in Lorenz, 1977, p. 39): “It is patently obvious to any unprejudiced observer that the world is built up by stratifications. This was realised early on. The only reason why it was not accepted without opposition was because it conflicted with the premise of speculative philosophy that the world is

Характеризуя в целом концепцию Гартмана, Лоренц выделяет две ее принципиальные черты: с одной стороны, она строго антиредукционистская: невозможно смысл жизни выразить в чисто физических терминах, переживания — в терминах биологии, а разум редуцировать к переживаниям, хотя каждый более низкий уровень является условием более высокого. С другой стороны, Лоренц вместе с Гартманом энергично критикует противоположную крайность — разделение мира на жесткие дихотомии с пропастью между ее сторонами, например в абсолютном противопоставлении человека животным. Как пишет Лоренц,

одностороннее проникновение слоев или уровней интеграции приводит к тому, что к ним не применима форма мышления, основанная на взаимно исключающих противоположностях... В никогда не есть не- A , а всегда $A+B$, C есть $A+B+C$ и так далее. Но хотя в действительности неуместно подчинять слои реального мира дизъюнктивным понятиям, такие понятия угнездились бесчисленными парами в нашем мышлении... природа и дух, тело и душа, животное и человек, естество и воспитание (Лоренц, 1998, с. 281).

В целом теория слоев напоминает хорошо известный эмерджентизм, но Лоренц настаивает на отличии первой от второго. Поэтому понятию эмерджентности он предпочитает введенное им самим понятие фульгурации, согласно которому новая реальность каждый раз создается *интеграцией* элементов, населяющих нижние слои, так что хотя все элементы новой реальности можно найти ниже, ее саму — нет.

Но если такие неоднородные феномены, которые Лоренц выражает формулой « $A+B+C$ », представляют собой примеры единства разных слоев реальности, то чем является связь между слоями? Если это та же самая причинность, которой мы связываем события внутри физического мира, то прав марксизм, согласно которому, как известно, прогресс от простого к сложному детерминирован и неизбежен. Гартман и Лоренц, наоборот, настаивают на случайном характере появления новых уровней интеграции. Логическое следование тоже должно быть отвергнуто с порога, так как каждый новый уровень не может представлять собой нечто уже находящееся в прежнем, низшем. Таким отношением может быть только приспособление.

Приведу пример отличия приспособления от причинности. Последняя трактуется как необхо-

a unity.” Characterising Hartmann’s conception as a whole, Lorenz singles out two fundamental features: on the one hand, it is strictly anti-reductionist: it is impossible to express the meaning of life in purely physical terms, emotional experiences in terms of biology and reduce reason to experience, although every lower level is a precondition of a higher level. On the other hand, Lorenz, together with Hartmann, vehemently criticises the other extreme — the division of the world into rigid dichotomies with a gap between the sides, for example, in the absolute opposition of humans and animals. As Lorenz writes,

[...] the law of contradictory opposites does not apply to the unilateral penetration of strata of levels of integration. B is never non- A but always $A + B$; C is $A + B + C$, etc. Although it is inappropriate to use mutually exclusive concepts when dealing with different levels of existence, numerous such pairs of terms have crept into our thinking [...] — mind and nature, body and soul, man and animal, etc. (Lorenz, 1977, p. 42).

On the whole, the theory of strata resembles well-known emergentism, but Lorenz insists that the former differs from the latter. Therefore he prefers to the concept of emergentism the concept of fulguration he has himself created, whereby a new reality is always created through *integration* of elements inhabiting the lower strata such that, although all the elements of new reality can be found below, the reality itself cannot.

But if such non-unidimensional phenomena which Lorenz expresses in the formula “ $A+B+C$ ” are examples of the unity of different strata of a reality what of the connection between the strata? If it is causality which we use to link the events within the physical world, then Marxism is right in asserting that progress from the simple to the complex is determined and inevitable. Hartmann and Lorenz, on the contrary, insist that the new level of integration appears by chance. Logical consequence must also be rejected out of hand because each new level cannot be something that is already in the former, lower level. Such a relationship can only be adaptation.

Let us consider an example to see the difference between adaptation and causality. The latter is in-

димось следования события *B* за событием *A*. Приспособление же означает, что за событием *A* в филогенетическом масштабе могут в равной и случайной степени следовать события *B*, *C* или *D*, причем равновозможной альтернативой *B* может быть даже анти-*B*. Например, Дарвин в качестве примера действия естественного отбора описывал изменения в морфологии насекомых, попавших на океанские острова: под действием сильных ветров, сдувающих насекомых в океан, крылья одной их части увеличились, а другой, наоборот, деградировали. Таким образом, кто-то из них смог лучше сопротивляться ветру, а кто-то предпочел не летать вообще: обе стратегии вели к успеху (Докинз, 2010, с. 83). То же самое относится не только к морфологии, но и к поведенческим штампам. Таким образом, приспособление, не противореча каузальности, позволяет индивидам проявлять свободу выбора, выступающую основанием и для свободы воли. Свобода выбора как в буквальном, так и метафорическом — для животных — смысле ведет к разнообразию. Но эта же свобода может, наоборот, быть условием однообразия, когда речь идет о моральной ответственности, о категорическом императиве в терминах Канта. Мы видим, однако, что однообразие подобного рода не может быть детерминировано внешними по отношению к воле человека причинами. Оно может быть продуктом лишь свободного выбора. На этом пути можно найти более обоснованное решение третьей антиномии Канта, допускающей одновременно как причинность, так и свободу.

Распространение действия эволюционных принципов на эпистемологию в таком философском контексте вполне ожидаемо. В новом свете все наше знание путем специфического естественного отбора «приспосабливается» к объективной действительности. По мнению Поппера, теории конкурируют между собой наподобие организмов в природе, и выживает та, которая лучше объясняет реальность и, в широком смысле, более успешна. Значит, Поппер рассматривал знание и действительность как независимые структуры в духе Канта, хотя в отличие от последнего видел возможность их соответствия благодаря *адаптации* одной из них к другой путем проб и исправления ошибок (Popper, 1994, p. 24, 92)⁹.

Более того, значение приспособления не ограничивается биологией и эпистемологией. Я склонен в связи со всем вышесказанным наделить понятие

⁹ К сожалению, Поппер не возвел тем не менее приспособление на уровень философской категории, подтверждение чему мы увидим чуть ниже.

interpreted to mean that event *B* necessarily follows event *A*. Adaptation means that event *A* phylogenetically can equally and fortuitously follow events *B*, *C* or *D*, with anti-*B* being as possible an alternative as *B*. For example, Darwin cites as an instance of natural selection changes in the morphology of insects which find themselves on oceanic islands: under the impact of strong winds that drive the insects towards the ocean one part of them grew bigger wings while the other part saw them diminish in size. Thus one of these groups was better adapted to resisting wind and the other preferred not to fly at all: both strategies were successful (cf. Dawkins, 1999, p. 42). The same applies not only to morphology but also to behavioural clichés. Thus adaptation, while not contradicting causality, enables individuals to exercise freedom of choice which is also the foundation of free will. Freedom of choice, both in the literal and metaphoric meaning (for animals), leads to diversity. But freedom may, on the contrary, be a precondition of uniformity when we speak of moral responsibility and the categorical imperative in Kant's sense. We see, however, that this kind of uniformity cannot be determined by causes that are external to the human will. It can only be a product of free choice. Following this path one may arrive at a more grounded solution of Kant's third antinomy which allows simultaneously for causality and freedom.

The spread of the effect of evolutionary principles to epistemology in the philosophical context was to be expected. In this new light all our knowledge is "adapted" to objective reality through a specific kind of natural selection. In Popper's opinion, theories compete among themselves like organisms in nature and the theory that survives is the one that better explains reality and is, in the broader sense, more successful. Thus Popper (1994, pp. 24, 92) considered knowledge and reality to be independent structures in the Kantian sense although, unlike the latter, he thought that their correspondence was possible thanks to the *adaptation* of one of them to the other through trial and error.⁹

Moreover, the significance of adaptation is not limited to biology and epistemology. In the light of all the above I am inclined to award to the concept

⁹ Unfortunately Popper, did not elevate adaptation to the level of a philosophical category, proof of which we shall see below.

приспособления статусом краеугольного принципа для всех эмпирических наук, предмет которых выходит за пределы неорганической материи: если то, что соответствует причинности в мире вещей самих по себе, — протопричинность — действительно структурирует физический мир, то приспособление — это тот дополнительный к ней вид связи, который структурирует более высокие этажи реальности и связывает их с базовым уровнем.

Будучи артикулированным соответствующим образом, это понятие может помочь решить принципиальные проблемы, фиксируемые специалистами даже в самой эволюционной эпистемологии. Одна из них, служащая симптомом недооценки значения приспособления, состоит в мнимом несоответствии друг другу целей развития науки и биологической эволюции, что подрывает сам идеологический фундамент эволюционной эпистемологии:

Стандартные традиционные точки зрения на появление и рост научного знания видят науку как прогресс, который при соответствующих условиях рационального и свободного исследования производит сумму знаний, неуклонно приближающуюся к истине. Селекционистские модели биологической эволюции, с другой стороны, в целом рассматриваются как не прогрессивные... Биологическая эволюция продуцирует скорее разнообразие, чем схождение в одной точке. Эволюционная эпистемология Поппера пытается охватить обе [стратегии], но делает это с трудом. Концепция научных революций Куна привлекала предварительно дарвинистскую модель, но после критики Кун отказался от нее... Тулмин... представляет примечательное исключение. По его мнению, понятия рациональности — чисто «локальные», и сами подвержены эволюции. Это, в свою очередь, кажется, влечет необходимость распрощаться с любой «целенаправленностью» в научном исследовании (Bradie, Harms, 2016).

Эта проблема «разных целей», однако, порождена недоразумением и быстро решается, если мы поставим в соответствие истине в науке в качестве конечной цели ее развития не разнообразие в природе, что явно ошибочно, а *приспособление*. Именно оно выступает движущей причиной и конечной целью эволюции, в то время как разнообразие — это лишь средство ее достижения. В такой диспозиции разнообразию организмов в живой природе будет соответствовать в науке не истина, как сегодня принято считать, а аналогичное разнообразие знаний и их увеличивающаяся спецификация. Истину при этом, особенно в рамках эволюционной эпистемо-

of adaptation the status of cornerstone principle for all the empirical sciences whose subject transcends the limits of inorganic matter. While proto-causality, which corresponds to causality in the world of things in themselves, really structures the physical world, adaptation is an additional type of connection that structures higher levels of reality and links them with the basic level.

Articulated in this way the concept may be instrumental in solving fundamental problems which specialists find even in evolutionary epistemology itself. One of them, a symptom of underestimation of the significance of adaptation, consists in an alleged discrepancy between the goals of the development of science and biological evolution, which undermines the very ideological foundation of evolutionary epistemology:

Standard traditional accounts of the emergence and growth of scientific knowledge see science as a progressive enterprise which, under the appropriate conditions of rational and free inquiry, generates a body of knowledge which progressively converges on the truth. Selectionist models of biological evolution, on the other hand, are generally construed to be non-progressive [...]. Rather than generating convergence, biological evolution produces diversity. Popper's evolutionary epistemology attempts to embrace both but does so uneasily. Kuhn's "scientific revolutions" account draws tentatively upon a Darwinian model, but when criticized, Kuhn retreated [...]. Toulmin [...] is a noteworthy exception. On his account, concepts of rationality are purely "local" and are themselves subject to evolution. This, in turn, seems to entail the need to abandon any sense of "goal directedness" in scientific inquiry (Bradie and Harms, 2016).

The problem of "different goals," however, stems from a misunderstanding and is readily solved if we juxtapose to scientific truth as the ultimate goal of scientific development not diversity in nature — which is obviously wrong — but *adaptation*. It is adaptation that is the driving cause and ultimate goal of evolution whereas diversity is merely a means towards achieving it. In this account it is diversity of knowledge and its growing specificity which corresponds to diversity of organisms in living nature, not the truth. Meanwhile the truth, especially in the framework of evolutionary

логии, вполне можно интерпретировать в терминах приспособления. Более того, я не вижу препятствий, чтобы рассматривать приспособление в широком смысле слова как цель не только биологической эволюции или научного знания, но вообще всякого прогресса. Скажем, социальный прогресс немислим без развития разных форм толерантности. Наоборот, эскалация конфликтов, например в международном масштабе, может привести к исчезновению не только цивилизации, но и человечества в целом.

Вспомним в этой связи, что сам Дарвин согласился с одним из своих коллег, что выражение «выживание приспособленных», введенное в оборот Г. Спенсером, точнее выражает суть его теории, нежели «естественный отбор», который (дословно: «природный отбор») порождает ненужные мистические коннотации, согласно которым Природа в качестве якобы некоего разумного существа производит волевой целенаправленный отбор организмов. Однако к тому моменту выражение «естественный отбор» стало уже устоявшимся мемом (см.: Докинз, 2010, с. 305–306).

Концепция Гартмана — Лоренца видится более утонченной, чем в марксизме, версией материализма, находящей точки соприкосновения с дуализмом Канта в признании определенного рода автономии психического и разумного, но не с дуализмом Декарта. Если для Декарта и картезианцев (равно и для сторонников рациональной психологии, как она представлена Кантом в его «Критике чистого разума») «душа, не будучи делимой и состоящей из каких-либо частей, не может погибнуть, и, следовательно, она бессмертна» (Арно, Николь, 1991, с. 311), то в системе Гартмана — Лоренца она — лишь относительно самостоятельная субстанция, продукт определенного способа интеграции компонентов более низкого уровня. Значит, если не сама душа, то ее материальная основа все-таки делима. Таким образом, с прекращением интеграции релевантных материальных компонентов прекращается и бытие души. Это отчасти согласуется с мнением Канта, что субстанция души — это регулятивная, а не конститутивная идея. Все-таки мне представляется, что в «Паралогизмах чистого разума» Кант пытался достичь праведных целей — опровержения рациональной психологии — с помощью сложных и небезукоризненных аргументов. Ему достаточно было бы указать на смешение рациональными психологами двух разных модусов субстанции, о которых я упоминал выше, — относительного, в качестве категории рассудка, и абсолютного, в качестве трансцендентальной идеи разума. В терминах онтологи-

epistemology, can well be interpreted in terms of adaptation. Moreover, I see no obstacle to considering adaptation in the broad sense to be the goal not only of biological evolution or scientific knowledge, but of all progress in general. For example, social progress is inconceivable without the development of various forms of tolerance. On the contrary, the escalation of conflicts, for example on the international scale, may lead to the disappearance not only of civilisation but of the human race as a whole.

It will be recalled in this connection that Darwin agreed with one of his colleagues that the expression “survival of the fittest” introduced by Herbert Spencer, more accurately reflects the essence of his theory than “natural selection,” which gave rise to unwelcome mystical connotations whereby Nature as a kind of intelligent entity purposefully selects organisms. However, by that time the expression “natural selection” had already become an established meme (cf. Dawkins, 1999, pp. 179-180).

The conception of Hartmann-Lorenz appears to be a more subtle version of materialism than Marxism, a version that has common ground with Kant’s dualism in recognising a kind of autonomy of the psychic and the intelligent, but not with Cartesian dualism. While for Descartes and the Cartesians (equally for the advocates of rational psychology as represented by Kant in his *Critique of Pure Reason*) “[...] since the soul is in no way divisible or composed of parts, it cannot perish, and consequently is immortal” (Arnauld and Nicole, 1996, p. 237), in Hartmann-Lorenz’s system it is just a relatively independent substance, the product of a certain mode of integration of components at a lower level. Hence, if not the soul itself then its material substratum is, after all, divisible. Thus, the being of the soul ceases with the cessation of the integration of relevant material components. This partly agrees with Kant’s opinion that the substance of the soul is a regulatory and not a constitutive idea. Even so, I believe that in “The Paralogisms of Pure Reason” Kant sought to achieve right goals — refuting rational psychology — with the help of complicated and somewhat flawed arguments. It would have been sufficient if he had pointed to the confusion by rational psychologists of two different modes of substances that I mentioned above — the relative, as a category of understanding, and the absolute, as the transcendental idea of reason. In terms of ontolog-

ческого плюрализма такое различие означает то, что субстанция, функционирующая на некотором высшем уровне, не может иметь абсолютный модус базового уровня.

Расходясь с идеализмом, онтологический плюрализм, с другой стороны, не смыкается и с материализмом монистического толка. От марксистской версии материализма эту концепцию отличает убеждение, что душа и, шире, идеальное — это не атрибут материи, а ее случайный продукт, имеющий тем не менее собственные законы своего проявления. И в целом все движение от простого к сложному, именуемое прогрессом, — это не объективная закономерность, в которой люди, лишённые свободы воли, выполняют роли марионеток в уже написанной пьесе, а путь случайного осуществления возможностей. Отсюда следует, что мы не застрахованы какими-то объективными законами развития от деградации, от случайного уничтожения всех слоев реальности выше базового материального. Энергичным пропагандистом подобных идей стал другой эволюционный эпистемолог — Стивен Тулмин, введший понятие экологической парадигмы в науку. Он противопоставил ее господствующей «астрономической» (детерминистской) парадигме (Тулмин, 1984), что созвучно защищаемому мной тезису о разделении онтологий на структурируемые причинностью и приспособлением.

Что касается концепции Николая Гартмана, свободной от ее интерпретации Лоренцем, в своей фундаментальной части она отклоняется от трансцендентализма Канта и в терминах последнего представляет собой один из вариантов трансцендентального реализма. Самым неприемлемым с кантианской точки зрения грехом Гартмана является онтологизация им категорий (см.: Poli, 2017). Согласно Гартману, категории — это принципы, структурирующие *бытие* вещей, элементов как неорганической природы, так и каждого последующего слоя вообще. Разные онтологические слои объединяются у него не приспособлением, а общими им всем категориями: «...интеграция в единство онтологических страт зиждется фундаментально на том факте, что элементарные категории проникают вверх в область значительно более высокой структуры и что это проникновение сопровождается их постоянной модификацией» (Hartmann, 1953, p. 73). Возражения против этой позиции Гартмана могут быть сняты, если его категории понимать как законодательство, специфическое для каждой из онтологических реальностей: в физике — свои законы, в биологии — свои. Но, с другой стороны, нет и убедительных

ical pluralism such distinction means that the substance functioning at a higher level cannot have an absolute mode of the basic level.

Differing from idealism, ontological pluralism, on the other hand, is not materialism of the monistic persuasion. The conception differs from the Marxist version of materialism in that it considers the soul and, more broadly, the ideal not as an attribute of matter but its accidental product which, however, manifests itself according to its own laws. And on the whole the movement from the simple to the complex known as progress is not an objective law under which people deprived of free will are puppets in the already written play, but a path of accidental materialisation of opportunities. From this it follows that we are not guaranteed by any objective laws of development against degradation, against accidental destruction of all the levels of reality above the basic material level. A vigorous proponent of such ideas was another evolutionary epistemologist, Stephen Toulmin, who introduced the concept of ecological paradigm in science. He opposed it to the prevalent “astronomical” (deterministic) paradigm (Toulmin, 1972), which coincides with the thesis defended by me of the division of ontologies into those structured by causality and those structured by adaptation.

As for the conception of Hartmann, apart from its interpretation by Lorenz, it diverges in its fundamental part from Kant’s transcendentalism and, in terms of the latter, is a variant of transcendental realism. Hartmann’s worst sin from the Kantian point of view is his ontologisation of categories (cf. Poli, 2017). According to Hartmann, categories are principles that structure the *being* of things, elements both of inorganic nature and every following stratum in general. He explains the unity of different ontological levels not by adaptation but by their shared categories: “[...] the integration into unity of the ontological strata rests fundamentally on the fact that elementary categories penetrate upwards into the field of far higher structure and that this penetration involves their continual modification” (Hartmann, 1953, p. 73). Objections to Hartmann’s position can be retracted if his categories are understood as legislation peculiar to each ontological reality, physics having its own laws and biology its own. But on the other hand, there are no convinc-

контраргументов против его мнения, что время, например, может быть одной из объединяющих все онтологии формой (см.: Hartmann, 1953, p. 77).

Примирение двух интерпретаций трансцендентального идеализма

Две конкурирующие сегодня в кантоведении интерпретации трансцендентального идеализма — двухмировая и двухаспектная — одинаково обоснованно апеллируют к текстам Канта. Эллисон упоминает, что Причард вменял даже самому Канту *обе* интерпретации, называя это путаницей (Allison, 2004, p. 6). Ван Клеве поэтому призывает сделать выбор на основе критерия философской удовлетворительности (Van Cleve, 1999, p. 146), что представляется разумным, хотя его собственный выбор в пользу двухмировой интерпретации неубедителен. В последнее время как итог неразрешимых споров стали появляться версии примирения двух сторон. М. Оберст, в частности, не видит причин, почему две интерпретации не могут быть совместимы. Различение явлений и вещей самих по себе *подразумевают* различение двух аспектов последних на том основании, что, как говорил Кант, явления невозможны без того, что является (В XXVI—XXVII; Кант, 2006, с. 29). Со своей стороны, концепция двух аспектов *подразумевают* существование двух разных полюсов одного из аспектов — отношения аффектации (Oberst, 2015, p. 60—61). Два аспекта и два полюса (= два мира) одного из аспектов, таким образом, — это не конкурирующие взгляды, а два компонента одной и той же, более сложной, чем в этих взглядах, картины. Такой вывод, по моему мнению, если и не выражен эксплицитно, то вытекает из размышлений Оберста.

Затруднение для идеи примирения вызывает лишь вопрос, почему продукт аффектации — явление — должен, по Канту, принадлежать другому миру. И здесь нам на помощь приходит теория многослойной онтологии Гартмана — Лоренца. В терминах концепции фульгурации Лоренца явления должны быть продуктом особого рода интеграции вещей самих по себе. С одной стороны, первые принадлежат к другой онтологической страте, нежели последние, так как на уровне вещей самих по себе не может быть никаких явлений, и потому здесь применим концепт двух миров. С другой — явления не могут существовать без того, что является. Эта характеристика явлений подпадает под концепт двух

ing arguments against his opinion that time, for example, can be one form that unites all ontologies (cf. Hartmann, 1953, p. 77).

Reconciling Two Interpretations of Transcendental Idealism

The two rival interpretations of transcendental idealism — the two-world and two-aspect — that today prevail in Kant studies are equally justified in invoking Kant's texts. Allison (2004, p. 6) notes that Prichard even attributed to Kant himself *both* interpretations, describing this as confusion. Van Cleve (1999, p. 146) therefore urges making the choice on the basis of the "philosophical satisfaction" criterion, which is reasonable, although his own choice in favour of the two-world interpretation is unconvincing. More recently, insoluble arguments spawned attempts at reconciling the two sides. Michael Oberst, for example, sees no reason why the two interpretations cannot be compatible. The distinction between phenomena and things in themselves *implies* the difference of two aspects of the latter on the grounds that, as Kant said, an appearance is impossible without what is appears (В XXVI-XXVII; Kant, 1998, p. 115). On the other hand, the concept of two aspects *implies* the existence of two different poles of one of the aspects, which is the relationship of affectation (Oberst, 2015, pp. 60-61). Thus two aspects and two poles (= two worlds) of one of the aspects are not rival views but two components of one and the same picture more complicated than that produced by the two views. This conclusion, in my opinion, if not explicitly expressed, flows from Oberst's reflections.

The stumbling block for the idea of reconciliation is the question why the product of affectation (the phenomenon) must, according to Kant, belong to another world. And there the Hartman-Lorenz theory of multi-stratum ontology comes to the rescue. In terms of Lorenz's concept of fulguration, phenomena must be products of a special kind of integration of things in themselves. On the one hand, the former belong to a different ontological stratum than the latter since there can be no phenomena at the level of things in themselves, which is why the concept of two worlds can be applied here. On the other hand, phenomena cannot exist without what manifests itself. This characteristic of phenomena tallies with the concept of two aspects. The essence and spirit of the proposed reconciliation are con-

аспектов. Суть и дух предлагаемого примирения передают вышеприведенные цитаты из работы Лоренца (Лоренц, 1998, с. 278–279, 281), предупреждающие одновременно как против радикального редуционизма, так и против догматических дихотомий: если «*B* никогда не есть не-*A*, а всегда *A+B*», то можно, конечно, характеризовать это *B* односторонне как не-*A*, а можно и редуцировать его также односторонне к *A*, отвлекаясь от противоположной точки зрения ради какого-то частного познавательного интереса, но нельзя абсолютизировать ни одну из этих позиций в философском обобщении.

Не только явления, но все сущности второго и выше онтологических уровней подчинены такой двойственной природе, отражаемой в разных интерпретациях. Выше я уже упоминал, что душа свободна от материального мира лишь в одной своей ипостаси, в другой являясь продуктом сложной интеграции материальных компонентов. Каким-то наукам, например гуманитарным, удобнее исходить из понимания человека как разумного существа за пределами мира животных, другим — таким, как биология, — нельзя не считать его, наоборот, одним из представителей этого мира. Применение той или иной интерпретации описания фактов зависит от контекста, от нашего интереса акцентировать либо различие онтологий в общей иерархии либо, наоборот, их общий корень: факты разных онтологий — в частности, вещи сами по себе и явления — имеют один общий субстрат, одну материю, принадлежат в этой части одному и тому же миру, но структурированы разными формами, конституируя с этой стороны разные миры. Таким образом, две интерпретации отражают собой две стороны, присущие явлению: оно, с одной стороны, представляет собой аспект объекта в мире вещей самих по себе, результат аффицирования и, с другой, конституируется формами чисто априорного характера, задающими совершенно иную онтологию. Поэтому будет ошибкой, давая одну интерпретацию трансцендентального идеализма, отвергать другую. Если двухаспектная интерпретация другими словами выражается как одномирная, то «мир» в данном случае должен пониматься как один базовый мир, что не исключает существование дополнительных миров его интерпретаций. Такая трактовка, на мой взгляд, придает трансцендентальному идеализму более глубокое философское звучание, чем в односторонних подходах.

veyed by the above quotations from the work of Lorenz (1977, pp. 39, 42), which warn simultaneously against radical reductionism and against dogmatic dichotomies: if “*B* is never non-*A* but always *A + B*,” then of course one can characterize *B* one-sidedly as non-*A*, or one can reduce it, also one-sidedly, to *A*, ignoring the opposite point of view for the sake of a particular cognitive interest, but one cannot make an absolute of either of these positions in a philosophical generalisation.

Not only phenomena but all the essences of the second and higher ontological level reveal such dual nature reflected in different interpretations. As I have mentioned above, the soul is free of the material world only in one of its aspects while in another aspect being the product of complex integration of material components. Some sciences, for example, the humanities, are more comfortable in proceeding from the concept of man as an intelligent creature outside the animal world, while other sciences, such as biology, cannot but consider man to be one of the representatives of that world. The application of one or the other interpretation of the description of facts depends on the context, on our wish to stress either the difference of ontologies in the common hierarchy or, on the contrary, their common root: the facts of different ontologies — for example, things in themselves and phenomena — have a common substratum, the same matter, belonging in this aspect to the same world but are structured by different forms stating different worlds from that side. Thus the two interpretations reflect the two sides of a phenomenon: it is, on the one hand, an aspect of an object in the world of things in themselves, the result of *Affizierung* and, on the other hand, is constituted by forms of a purely *a priori* character that dictate a totally different ontology. It would therefore be a mistake, while giving one interpretation of transcendental idealism to reject another. If the two-aspect interpretation, in other words, is expressed as a one-world interpretation then “the world” in this case must be understood as one *basic* world, which does not rule out the existence of additional worlds of its interpretations. This treatment, in my opinion, lends transcendental idealism a more profound philosophical character than one-sided approaches.

Заключение

В заключение я хотел бы повторить тезисы, которые видятся мне ключевыми в развитии темы синтеза учений Канта и Дарвина:

— идея априорного синтеза, выраженная Кантом в тезисе о синтетических суждениях априори, является глубокой философской интуицией, без которой невозможно построить полноценное понятие прогресса. Соответственно, необходимо очертить границы ее применения. Синтез служит основой появления нового, чем бы это новое ни было — знанием или новой онтологической реальностью. Поэтому понятие априорного синтеза целесообразно расширить за пределы только суждений, за пределы только когнитивного аппарата, подчинив этому понятию и биологию, но следует остановиться в этом расширении перед базовым онтологическим уровнем вещей самих по себе, не допуская его туда;

— модальная сила априорного синтеза протекает не «снизу», как в аналитических суждениях, предикат которых уже включен в понятие субъекта и не представляет собой нового знания, а «сверху»: в терминах концепции фульгурации Лоренца, только для осуществления новой онтологической реальности и только в ее парадигме *необходима* специфическая интеграция компонентов базовой онтологии. Внутри же последней такая интеграция *не необходима* и потому может быть разрушена. Категорический императив Канта следует понимать в том же ключе. Поэтому синтетическая необходимость актуальна только для «верхних» уровней реальности и, соответственно, только для их исследования. Аналитическая школа философии, исключая ее из своего арсенала, обрекает себя на логическое и «физическое» затворничество, на невозможность адекватно ассимилировать в своих терминах как смыслы и ценности, так и прогресс в целом;

— только дуализм или, шире, плюрализм, может быть основой научно обоснованной философии, позволяющей поставить вопрос о возможности и природе связи между разными онтологическими мирами, между причинами и смыслами. Если дуализм Канта оставил этот вопрос открытым, то дарвинизм дает на него свой ответ: такая связь возможна с помощью приспособления. В свою очередь приспособление в качестве философски осмысленной категории, как недостающее звено, легитимизирует дуализм и плюрализм.

Conclusion

In conclusion I would like to repeat the theses that I think are key in the development of the synthesis of the teachings of Kant and Darwin:

— The idea of the synthesis *a priori* expressed by Kant in his thesis on the synthetic *a priori* judgments is a profound philosophical intuition without which it is impossible to form an adequate concept of progress. Consequently, it is necessary to determine the boundaries of its applicability. Synthesis is the basis for the emergence of the new, whether it is knowledge or a new ontological reality. Therefore the concept of the synthesis *a priori* must be expanded beyond mere judgments, beyond mere cognitive apparatus, subjecting biology to this concept. However, one should stop short of expanding this to the basic ontological level, to things in themselves;

— The modal force of the synthesis *a priori* comes not “from below,” as in analytical judgments whose predicate is already included in the concept of subject and does not represent new knowledge, but “from the top”; in terms of Lorenz’s fulguration concept it is only to implement a new ontological reality and only in its paradigm that specific integration of the components of basic ontology *is necessary*. Within the latter such integration *is not necessary* and therefore can be disregarded. Kant’s Categorical Imperative should be understood in this way. The synthetic necessity is therefore relevant only to the “higher” levels of reality and consequently only to their study. The analytical school in philosophy, by excluding it from its arsenal, dooms itself to logical and “physical” seclusion as it is unable to adequately assimilate in its terms either the meanings and values or progress as a whole;

— Only dualism or, more broadly, pluralism, can be the basis of a scientifically grounded philosophy that can raise the issue of the possibility and nature of the link between different ontological worlds, between causes and meanings. While Kant’s dualism left this question open, Darwinism offers its own answer: such a link is possible through adaptation. In turn, adaptation as a philosophically meaningful category, as the missing link, justifies dualism and pluralism.

Список литературы

- Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. М. : Наука, 1991.
- Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М. : Наука, 1990.
- Докинз Р. Расширенный фенотип: длинная рука гена. М. : Астрель ; CORPUS, 2010.
- Кант И. Критика чистого разума (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.
- Лоренц К. Кантовская концепция *a priori* в свете современной биологии // Эволюция. Язык. Познание / отв. ред. И.П. Меркулов. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 15–41.
- Лоренц К. Обратная сторона зеркала. Опыт естественной истории человеческого познания // Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М. : Республика, 1998. С. 244–457.
- Поппер К.Р. Логика и рост научного знания : Избранные работы. М. : Прогресс, 1983.
- Тулмин С. Человеческое понимание. М. : Прогресс, 1984.
- Allison H.E. Kant's Transcendental Idealism : An Interpretation and Defense. New Haven ; L. : Yale University Press, 2004.
- Bradie M., Harms W. Evolutionary Epistemology // Stanford Encyclopedia of Philosophy [2016]. URL : <https://plato.stanford.edu/archives/spr2017/entries/epistemology-evolutionary/> (дата обращения : 27.05.2019).
- Campbell D.T. Methodological Suggestions from a Comparative Psychology of Knowledge Processes // Inquiry. 1959. Vol. 2. P. 152–182.
- Gontier N. Evolutionary Epistemology // Internet Encyclopedia of Philosophy [2019]. URL : <https://www.iep.utm.edu/evo-epis/> (дата обращения : 27.05.2019).
- Hanna R. Kant and Nonconceptual Content // European Journal of Philosophy. 2005. Vol. 13, № 2. P. 247–290.
- Hanna R. Kant in the Twentieth Century // Routledge Companion to Twentieth-Century Philosophy / ed. by D. Moran. N.Y. : Routledge, 2008. P. 149–203.
- Hartmann N. New Ways of Ontology. Chicago : Henry Regnery Company, 1953.
- Hartmann R.A. The Evolution of Epistemology to Evolutionary Epistemology: Two Modern Re-Interpretations of Immanuel Kant's Fundamental Principles of Transcendental Philosophy. Edinburgh : Haralex Publishing House, 2017.
- Howell R. Kant and Kantian Themes in Recent Analytic Philosophy // Metaphilosophy. 2013. Vol. 44, № 1–2. P. 42–47.
- Maddy P. Second Philosophy: A Naturalistic Method. Oxford : Oxford University Press, 2007.
- Oberst M. Two Worlds and Two Aspects: on Kant's Distinction between Things in Themselves and Appearances // Kantian review. 2015. Vol. 20, № 1. P. 53–75.
- Poli R. Nicolai Hartmann // The Stanford Encyclopedia of Philosophy [2017]. URL : <https://plato.stanford.edu/archives/win2017/entries/nicolai-hartmann/> (дата обращения : 27.05.2019).

References

- Allison, H.E., 2004. *Kant's Transcendental Idealism: An Interpretation and Defence*. New Haven; London: Yale University Press.
- Arnauld, A. and Nicole, P., 1996. *Logic, or, The Art of Thinking: Containing, Besides Common Rules, Several New Observations Appropriate for Forming Judgment*. Translated and edited by J.V. Buroker. 5th edition. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bradie, M. and Harms, W., 2016. Evolutionary Epistemology. In: Stanford Encyclopedia of Philosophy, [online] Available at: <<https://plato.stanford.edu/archives/spr2017/entries/epistemology-evolutionary/>> [Accessed 27 May 2019].
- Bulgakov, S.N., 1990. *Filosofia hozyaistva [Philosophy of Economy]*. Moscow: Nauka (In Rus.)
- Campbell, D.T., 1959. Methodological Suggestions from a Comparative Psychology of Knowledge Processes. *Inquiry*, 2, pp. 152-182.
- Dawkins, R., 1999. *The Extended Phenotype: The Long Reach of the Gene*. Oxford: Oxford University Press.
- Gontier, N., 2019. Evolutionary Epistemology. In: *Internet Encyclopedia of Philosophy*, [online] Available at: <<https://www.iep.utm.edu/evo-epis/>> [Accessed 27 May 2019].
- Hanna, R., 2005. Kant and Nonconceptual Content. *European Journal of Philosophy*, 13(2), pp. 247-290.
- Hanna, R., 2008. Kant in the Twentieth Century. In: *Routledge Companion to Twentieth-Century Philosophy*. Edited by D. Moran. New York: Routledge, pp. 149-203.
- Hartmann, N., 1953. *New Ways of Ontology*. Chicago: Henry Regnery Company.
- Hartmann, R.A., 2017. *The Evolution of Epistemology to Evolutionary Epistemology: Two Modern Re-Interpretations of Immanuel Kant's Fundamental Principles of Transcendental Philosophy*. Edinburgh: HARALEX Publishing House.
- Howell, R., 2013. Kant and Kantian Themes in Recent Analytic Philosophy. *Metaphilosophy*, 44(1-2), pp. 42-47.
- Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Edited by P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lorenz, K., 1977. *Behind the Mirror: A Search for a Natural History of Human Knowledge*. Translated by R. Taylor. New York & London: Methuen; Harvest / HBJ.
- Lorenz, K., 2009. Kant's Doctrine of the *A Priori* in the Light of Contemporary Biology. In: M. Ruse, ed. 2009. *Philosophy after Darwin: Classic and Contemporary Readings*. Princeton, NJ: Princeton University Press, pp. 231-247.
- Maddy, P., 2007. *Second Philosophy: A Naturalistic Method*. Oxford: Oxford University Press.
- Oberst, M., 2015. Two Worlds and Two Aspects: on Kant's Distinction between Things in Themselves and Appearances. *Kantian review*, 20(1), pp. 53-75.
- Poli, R., 2017. Nicolai Hartmann. In: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, [online] Available at: <<https://plato.stanford.edu/archives/win2017/entries/nicolai-hartmann/>> [Accessed 27 May 2019].
- Popper, K., 1994. *Objective Knowledge. An Evolutionary Approach*. Oxford: Oxford University Press.

Popper K. Objective Knowledge. An Evolutionary Approach. Oxford : Oxford University Press, 1994.

Smith C.U.M. Kant and Darwin // Journal of Social and Biological Structures. 1991. Vol. 14, № 1. P. 35–50.

Strawson P.F. The Bounds of Sense : An Essay on Kant's Critique of Pure Reason. L. ; N. Y. : Routledge, 1966.

Van Cleve J. Problems from Kant. N. Y. ; Oxford : Oxford University Press, 1999.

Об авторе

Игорь Константинович Калинин, кандидат философских наук, независимый исследователь, г. Ижевск, Россия.

E-mail: ikkalinin@gmail.com

Для цитирования:

Калинин И.К. Дарвинизм как недостающее звено критической философии Канта // Кантовский сборник. 2019. Т. 38, № 4. С. 51–80. doi: 10.5922/0207-6918-2019-4-3

Smith, C.U.M., 1991. Kant and Darwin. *Journal of Social and Biological Structures*, 14(1), pp. 35-50.

Strawson, P.F., 1966. *The Bounds of Sense: An Essay on Kant's Critique of Pure Reason*. London and New York: Routledge.

Toulmin, S., 1972. *Human Understanding*. Princeton: Princeton University Press.

Van Cleve, J., 1999. *Problems from Kant*. New York & Oxford: Oxford University Press.

Translated from the Russian by Evogeni N. Filippov

The author

Dr Igor K. Kalinin, independent researcher, Izhevsk, Russia.

E-mail: ikkalinin@gmail.com

To cite this article:

Kalinin, I.K., 2019. Darwinism as the Missing Link in Kant's Critical Philosophy. *Kantian Journal*, 38(4), pp. 51-80. <http://dx.doi:10.5922/0207-6918-2019-4-3>